

Илона Волынская Кирилл Кащеев

ШТОДОКЪ

*Фабрика
мертвецов*

Живым здесь не место!

ПОТОМОКЪ

Кирилл Кащеев

Потомокъ. Фабрика мертвецов

«РОСМЭН»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6

Кащеев К.

Потомокъ. Фабрика мертвецов / К. Кащеев — «Росмэн»,
2022 — (Потомокъ)

ISBN 978-5-353-10087-4

Первая книга цикла «Потомокъ», действие которого происходит в альтернативной Российской империи конца XIX века. Здесь правят потомки древних славянских богов, среди которых все чаще появляются малокровные: почти бессильные и ни на что не способные... Митя Меркулов, сын талантливого (и крайне принципиального) следователя и княжны Морановны, для которой, из-за ее малокровия, не нашлось жениха получше. Митя мечтает жить в свое удовольствие: заказывать дорогие сюртуки, ходить по светским раутам, быть представленным императорскому двору... Но его отец слишком глубоко влез в тайны царствующего дома, и, то ли в награду, то ли в наказание, обоим Меркуловым пришлось уехать из столицы. Однако за Митей по пятам следует вестница самой Мораны Темной, да и в глухой провинции оказывается не так уж и скучно...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-10087-4

© Кащеев К., 2022
© Росмэн, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	42
Глава 10	45
Глава 11	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Илона Волынская, Кирилл Кашеев

Фабрика мертвецов

© И. Волынская, К. Кашеев, текст, 2022

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2022

* * *

Пролог

Сумерки в степи

Шшшарк – шмяк! Шшарк – шмяк!

Комья земли взлетали над кромкой берега и звучно шмякались на громоздящуюся у самого края изрядную кучу.

Человек остановился, посмотрел на уже клонящееся к закату солнце и снова принялся рыть. Лопата по самый черенок вгрызлась в береговой склон, вываливая прямо на сапоги толстый, влажный пласт красноватой земли. Мужчина воткнул лопату в склон, нагнулся и принялся разминать эту землю в руках, внимательно рассматривая комки на ладони.

– Ну во-от! – удовлетворенно прогудел он. – Я же говорил, что найду! «Нету, нету...» – Он явно передразнил кого-то. – Искать надо уметь... а не сразу жалобы слать. Тоже мне, жалобщик! Еще извиняться колбасника заставлю, всенепременно! – Мужчина покивал сам себе, снял картуз с лаковым козырьком, по-простецки утер лицо рукавом косоворотки.

Шлеп!

Ком земли шмякнулся ему прямиком на темечко.

Человек замер в растерянности, медленно поднял руку, пощупал... пальцы влезли в противное и мокрое, размазывая землю по коротко стриженным волосам. Выругался и принялся оттирать голову не первой свежести платком. Отряхнулся и потянулся за лопатой...

Шлеп!

Прилетевший из-за кромки берега новый ком угодил ему в спину.

– Хи-хи! – в застоявшемся летнем воздухе тихо прошелестел смех.

– Это кто там озорует? – выпрямляясь, рявкнул человек. – Ужо я вас! – И, опираясь на лопату, полез по склону наверх.

Лопата легла на край берега, следом выбрался ее хозяин. Отряхнул ладони, огляделся... Темно-красное закатное солнце расчертило поросшую жухлой травой степь кровавыми полосами. В сгустившихся черных тенях, тесно-тесно прижавшись друг к дружке, застыли двое ребятешек, мальчик и девочка лет десяти.

– Ваша работа? – отряхивая испачканную косоворотку, спросил человек – хотел грозно, но вышло скорее добродушно, в уголках рта дрогнул смех. – Давно батька ремня не пропи-сывал? Смотрите у меня, буду вам вместо отца родного! – Демонстративно берясь за пряжку ремня, он шагнул к детишкам.

Мир дрогнул. Багровые полосы заката разлились, словно где-то там, наверху, из перехваченного ножом горла хлынула кровь, захлестывая землю. Мужчина испуганно зажмурился... а когда открыл глаза, детишки, все так же прижавшись друг к другу и сдвинув головы, точно шептались на ходу, убежали прочь.

– Эй! – Человек невольно шагнул следом за ними. Всыпать шутникам уже не хотелось, его охватила смутная тревога. – Куда вы, дети? – Он опять шагнул за детишками... и остановился как вкопанный.

Дети не бежали, они скользили, плавно, точно их нес пробежавший над степью ветерок. Ярко-синие метелки степного шалфея не качались, когда за них цеплялись полы длиннющих домотканых рубах. Детишки медленно перетекали из багровых полос заката в черные тени, и, постепенно разгораясь, их окутывал серебристый ореол.

Человек судорожно, рывком сделал еще шаг – будто его дернули за невидимую веревку. Лицо его стремительно бледнело, словно лоб и щеки осыпали мелом. Снова рывок – нога зависла на полушаге, и со стороны могло показаться, что человек отчаянно боролся с собой. Крупная капля пота прокатилась по виску, повисла и упала на землю. Мужчина выгнулся назад,

будто стараясь растянуть захвативший его незримый аркан, и – банг! – что-то неслышно лопнуло, и он с размаху сел в пожухшую траву. С хриплым вздохом вскочил, повернулся и ринулся прочь – бежать, бежать, подальше отсюда...

Мальчик и девочка стояли у него за спиной.

Прижавшись голова к голове, они пристально и неотрывно глядели на него сквозь защитные суровой ниткой веки. От этого слепого взгляда из груди мужчины вырвался стон. Лунное сияние вокруг детишек разгоралось все ярче, его сполохи тянулись к человеку, как щупальца невиданной твари. Леденящий холод дохнул в лицо, человек отчаянно закричал... Безумный, туманящий голову ужас точно стегнул его по ногам, заставляя прыгнуть в сторону.

– Нет-нет-нет! Оставьте меня! Убирайтесь! Не-ет!

Он побежал, упал, вскочил снова и, завывая от ужаса, ринулся прочь, обратно, к берегу и узкой ленте реки.

– Пошел дядя покопать... – прошелестел над степью призрачный детский голосок.

Ногу болезненно дернуло, будто она вдруг угодила в скрытый капкан, и человек с размаху рухнул в пыльную степную траву. Яростно рванулся – и заорал, пронзительно и страшно, перекрывая стрекотание проснувшихся в сумерках цикад.

На щиколотке его сжимались пальцы. Рука торчала из земли, а сами пальцы были белыми, голыми... костяными. Медленно, точно наслаждаясь мучениями жертвы, они сжимались все плотнее, сильнее... И выросшие на кончиках пальцев когти вспороли сапог.

– Песка-глины поискать... – подхватил второй детский голосок.

Слова считалочки гуляли над степью, сливаясь с нарастающим воем ветра.

– Не-ет!

Человек отчаянно бил второй, свободной ногой. Хрясь! Хрясь! Хрясь! Толстый каблук сапога молотил по косточкам скелета, пальцы ломались один за другим, но не разжимали хватку. Наконец большой палец с хрустом отвалился, мужчина рванулся еще и выдернул ногу из сапога. Подвывая, он на четвереньках устремился к брошенной у берега лопате.

– Мертвячок вдруг вылезает... – хором прошелестели детские голоса.

Земля вспучилась, сквозь нее, как сквозь толстое покрывало, проступили контуры рук, ног, головы... Потом земля осыпалась, и голый пожелтевший скелет сел в неглубокой яме. Поднялся, пощелкивая суставами, и ринулся в погоню за живым.

Человек обернулся, заверещал и с удвоенной скоростью кинулся к лопате. Скелет на миг припал к земле, а затем прыгнул, вытянувшись в струнку, как выпрыгивающая на берег рыбина.

– Ннна!

Лопата вонзилась скелету меж ребер. Позвонок переломился от удара, скелет распался на две части. Цепляясь уцелевшей пятерней за траву, верхняя часть поползла к жертве.

– Нна, нна, нна! – Человек отчаянно молотил лопатой, разнося в крошево хрупкие древние кости. – Отстаньте от меня, отстаньте! – Он попытался бежать, но пострадавшая нога подломилась.

Мужчина зарычал от боли, отчаяния, ярости, оглянулся на замерших невдалеке лунных детишек и упорно заковылял прочь, не выпуская лопаты из рук.

– Мертвячок вдруг вылезает, дядю за ноги хватает... – зашептали голоса.

С придушенным рыком человек метнулся в сторону, и вылетевшая из земли иссушенная, как у мумии, черная пятерня схватила воздух. Земля вскипела, и из нее один за другим полезли мертвецы: и голые скелеты, и туго обтянутые высохшей черной кожей останки, и даже почти свежие трупы с объединенными червями лицами.

– Врешь, не возьмешь! – Мужчина закрутил лопату над головой. Заточенное полотно смахнуло ближайшей черной мумии голову, и та покатила по пыльной траве, подпрыгивая на кротовинах, как мяч. Выпад вперед – острый край рубанул мертвяка по глазам. Сорванная с лица кожа повисла, мертвяк закружился, точно враз перестав видеть. – Всех порешу! – со

сдавленным ревом человек кинулся на заступившего ему дорогу мертвяка, со свистом кроя воздух своим оружием. – Нна! – Лопата с влажным чавканьем вонзилась в грудь полуразложившегося трупа и застряла, зацепившись за ребро. – Нет! – Человек отчаянно рванул...

Раздутые, изъеденные червями пальцы стиснули черенок, и мертвец завалился на спину, выдирая лопату из рук человека.

– А-а-а!

На плечах мужчины повис скелет, сомкнул когтистые лапы на его шее, и... что-то вспыхнуло на груди под рубахой!

У скелета дернулась челюсть, точно он зашелся в немом крике. Остов свалился с плеч живого и вспыхнул чадным, вонючим костром. Кости его стремительно чернели.

– Ага! – заорал человек, выхватывая из-за ворота серебряный крестик. – На тебе, на! – Крестик ткнулся в оскаленные зубы мертвяка, и тот с воем отвалился в сторону – голова его курилась черным дымом. – На! На! – Мужчина принялся отчаянно махать крестом во все стороны, потом рванулся, проскакивая меж ринувшимися к нему с двух сторон покойниками...

Прыгнувшая ему на грудь крохотная мертвая девочка была похожа на клубок спутанной шерсти – пересыпанные землей длинные, когда-то невероятно густые волосы стояли дыбом, ободранный ветхий саван развевался лохмотьями. Девчонка врезалась обеими ногами ему в живот и, вцепившись в крест ручонками, дико взвыла. Дымное черное пламя покатило по рукам, струйками побежало по плечам, перескочило на грудь, охватило волосы... Но пальцы девчонка не разжала, и ветхий гайтан креста с треском лопнул! Мертвячка отлетела в сторону, вспыхнула черным костром, а человек кубарем полетел вниз, по каменистому склону, к реке.

– Река... вода... не пройдете... нет...

Мужчина приподнялся на дрожащих руках – вокруг него все кружилось: каменистый берег, багровый в красках заходящего заката, зеленые островки травы, узкая лента реки вертелись, меняясь местами. Над гребнем берегового склона возник скелет, и человек с протяжным стоном поднялся на ноги. Ему казалось, что он бежит, но на самом деле он брел, пошатываясь. Шаг... второй... третий... Холод охватил его, в голове прояснилось; мужчина понял, что стоит по грудь в воде, и хрипло счастливо расхохотался.

– Вода... проточная вода... спасе-е-ен! – заорал он, попытался обернуться, чтоб ткнуть в сторону берега мослатым кукишем.

Вода взбурлила. Пробивая слой зеленой ряски, из глубины поднялась голова. словно пучок водорослей, длинные волосы поплыли, извиваясь, по черной воде, и из реки поднялось раздутое лицо утопленницы. Из черной пасти выметнулись кривые длинные клыки... и тяжело, как громадная щука, утопленница взмыла над водой и кинулась человеку на шею.

Дно под ногами оборвалось яминой, и человек ухнул в глубину. Еще миг он видел над головой тонкую, прозрачную пленку воды, залитую алой кровью заката. Мелькнули покрытые пузырьками плечи и грудь, белая рука с загнутыми когтями...

В груди у мужчины словно что-то взорвалось, и перед глазами все померкло.

Вода вскипела и стихла.

– Чавк-чавк, ой-ой-ой, умирает дядя мой... – Замершие на обрывистом берегу детишки медленно, не отстраняя тесно сдвинутых голов, повернулись и заскользили прочь. Кружащее вокруг них лунное сияние на миг озарило степь и начало затухать, удаляясь.

Вода колыхнулась снова. Раз... другой... третий...

Человек брел к берегу, ступая медленно и размеренно, как автомат. Остановился у самой кромки воды. Страхнул налипшие водоросли. Поднял руки – рывками, будто марионетка неопытного кукольника. Растопыренными ладонями пригладил волосы и зашагал прочь от реки, в ту же сторону, куда отправились и странные дети. Шаг его был размерен, как на promenade по бульвару, глаза смотрели прямо. Яркая-зеленая муха с негромким жужжанием сделала круг и уселась ему на глаз. Человек продолжал идти, все так же ровно глядя перед собой.

Глава 1

В гостях у бабушки

– Бабушка!

– Здравствуй, мальчик мой! – Княгиня протянула обе руки вскочившему ей навстречу юноше. – Как же тебе идет форма! – Надушенной рукой она коснулась обшлага его тужурки с эмблемой яхт-клуба. – И жилет отличный! Ах ты юный франт! – Она погрозила внуку пальцем и легким движением велела горничной их покинуть. Сама потянулась к пузатому чайнику и налила в широкую чашку пахнувший малиной и мятой чай. – Угощайся, душа моя. Моя Марьяна нынче новый сбор составила. Говорит, для меня, старухи, весьма полезный.

– Бабушка, если уж изволите кокетничать, делайте это сообразно возрасту: офицерам головы кружите, статских меж собой стравливайте... А то... «старуха»! – Юноша покачал головой. – «Цветы последние милей роскошных первенцев полей».

– Умеешь ты, Митенька, сказать приятное... старухе. – Княгиня по-девчоночьи хмыкнула, бросив на внука быстрый насмешливый взгляд. – Только Сашу Пушкина не цитируй. Осознание, что ветреный юноша, которого ты шлепала веером по рукам, теперь портрет в учебниках словесности, не позволяет чувствовать себя молодой.

– Я вовсе не из учебника... – смущенно пробормотал юноша. – Право же, когда я говорю, что вы моя бабушка, мне не верят!

Бабушка и впрямь смотрелась много моложе истинного возраста – в ее черных косах не было ни единого седого волоска, а темные южные очи не утратили блеска. Лишь известность ее в петербургском обществе не позволяла скрыть, что рождение старшей княгини Белозерской, в девичестве Орбелиани, из Кровных Потомков Квириа Справедливого, Предводителя Волков¹, приходится еще на прошлое столетие. Митя не стал уточнять, что не верят по иной причине: чтоб у сынка полицейского сыщика в бабушках – кровная княгиня Белозерская? Но он еще не обезумел признаваться бабушке в таком, и без того комплимент не удался.

– Дамский угодник... Боюсь думать, скольких ты покоришь, когда повзрослеешь! – улыбнулась княгиня и посерьезнела. – Увы, но порадовать тебя нечем.

Чашка в пальцах Мити дрогнула, и он торопливо поставил ее на блюде.

– Я говорила с твоим дядей... неоднократно! Я требовала, чтобы тебе позволили остаться со мной в Петербурге! Ты мог бы вступить в Пажеский корпус: уж моему внуку не откажут в приеме!

Митя стиснул подлокотники кресла: взять-то его возьмут, а вот потом припомнят и изъяны в происхождении, и последнюю... выходку, да-да, выходку отца! По сравнению с Пажеским даже ожидающая его участь на миг показалась не такой ужасной.

– Можно и не в Пажеский, хотя это сразу представление ко двору... – словно тоже подумав, каково придется ее внуку, нехотя кивнула княгиня. – В Александровский лицей, на худой конец... по стопам Сашеньки Пушкина... У меня сердце кровью обливается, когда я думаю, скольких возможностей ты лишаешься! Потому что мой сын мне отказал! Наотрез! Твой дядя стал просто невыносим! – Она посмотрела на Митю возмущенно, будто именно внук был виновен в вопиющем дядюшкином неповиновении. – Он заявил, что не должно разлучать вашу семью! Будто мы тебе не семья!

– Что еще дядя сказал? – Митя сцепил пальцы в замок. Когда надежды рушатся окончательно и бесповоротно, удержать дрожь в руках почти невозможно. Но необходимо, если ты, конечно, светский человек.

¹ Языческое божество древней Грузии, отвечал в том числе и за справедливость. – *Здесь и далее прим. авторов.*

– Мальчишескую ерунду: что ты должен возмужать, взять на себя ответственность... Будто взрослость и мужественность заменят придворную карьеру! Что твой отец нуждается в поддержке. Сильные мужчины должны сами себя поддерживать, а не искать опоры в сыне неполных шестнадцати лет! А твой отец, несомненно, силен... – Только что кипевшая негодованием княгиня вдруг покачала головой, точно в восхищении и недоумении разом. – Надо же... Поймать на краже, и кого – великого князя! И не побоялся же обвинить... Несчастный адъютантик, на которого все свалить пытались, должен вечно за твоего отца Бога молить. Уж он-то не великий князь, ссылкой в Туркестан бы не отделался.

Да пусть бы адъютанта великого князя Николая Константиновича, великого князя Крови Дажьбожьей, лишили чести и дворянства, отправили на каторгу, в Сибирь, под расстрел... За покражу изумрудов с иконы великой княгини могли... Не все ли равно? Адъютанта отец спас! А своего сына погубил!

– Я все же пойду по стопам Александра Сергеевича – не в лицей, так в южную ссылку! – Надо улыбнуться, и голос побеспечнее, но... непослушные губы ни в какую не желали складываться в улыбку.

– Эта Екатеринославская губерния наверняка не так уж плоха. Хотя Сашенька не чаял, как убраться, только две недели и продержался – грязь, скука... Ах, опять я не то говорю! Это ж с полвека назад было, наверняка с тех пор все изменилось! – явно не веря собственным словам, княгиня жалостливо посмотрела на внука.

– Что я там стану делать?! – окончательно теряя самообладание под этим взглядом, вскричал Митя. – Отец – провинциальных карманников отлавливать, ему для счастья и того довольно! А я? Ни общества, ни хорошего портного... Ничего! Но как отец мог! Ведь можно же было по-другому разрешить дело, чтоб Его Величество остался доволен...

– Дмитрий, успокойся! – Голос княгини вдруг постrojел. – Не мог же твой отец позволить осудить невинного?

Митя принялся рассматривать собственные колени, пряча лицо от взгляда бабушки. Он отлично знал, что говорить можно... и чего нельзя. Например, что ему безразлично, кого бы осудили, а кого оправдали, лишь бы остаться в Петербурге! У всех отцы как отцы: и состоянием не обделены, и двором приняты... и только у батюшки знакомство с августейшей фамилией привело к аресту двоюродного брата государя-императора.

– Конечно, не мог, – принужденно пробормотал он. Поднял голову и соорудил умоляюще-трогательное детское выражение, которое всегда умиляло пожилых дам. – Поговорили бы вы с отцом? Он вас так уважает.

– Я с твоим отцом никогда не была близка. – Княгиня смутилась. – Все же я была против его брака с твоей матерью. Для Кровной Княжны Белозерской личный дворянин Меркулов...

«Так уж и скажите, бабушка, – сын городского, выслуживший дворянство!» – зло подумал Митя.

– ...Изрядный мезальянс. Но я была неправа и вовсе не стесняюсь сие признать! Дочь, Царство ей Небесное, получила даже больше, чем мы надеялись. А мне подарили прекрасного внука! – И потянувшаяся через чайный столик княгиня растрепала Мите тщательно уложенные поутру волосы.

Тот покорно терпел. Матери он не помнил совсем, но, судя по свадебному портрету, внешность ее заставляла желать большего, а годы – меньшего. Приданое было невелико, во всяком случае для избалованных питерских женихов, а Кровная Сила и того меньше, так что на родовой брак матушке рассчитывать не приходилось. Об этом не говорили вслух, но Митя ведь не деревенский увалень какой, сам понимал, что отец женился ради связей, необходимых для карьеры честолюбивого полицейского чиновника. Попросту согласился на сделку! Дело житейское, никто бы его не осудил... не крои он из себя невесть что! Осуждения невинного он не мог допустить, ха!

– Боюсь, мне пора идти. Надо, знаете ли, собираться, раз уж ссылка неизбежна! – Митя бросил на бабушку полный отчужденности взгляд.

– Ты меня расстраиваешь, мальчик мой, – протянула княгиня. – Словно и не с родной бабкой прощаешься!

Чего она ожидала – что он будет разводить любезности, когда она его так подвела?

– Клянусь, я вытребую тебя к себе на следующее лето! Ты и оглянуться не успеешь!

«Ne serait-ce pas charmant?»² – как говаривает младший князь Волконский. Зимний сезон он проведет в этой... Тмутаракани, чтоб не сказать хуже? Благодарю покорно!

– Провинциальные барышни будут от тебя без ума! Станешь вывозить их кататься на Днепр – говорят, виды невероятные...

Лицо Мити оставалось холодным и невозмутимым: ему неинтересно, что за виды там, куда его ссылают без всякой вины.

– Уж бабушка позаботится, чтоб вам хватило и на лодку, и на конфеты! – Раздутый от ассигнаций толстый кожаный бумажник бабушка ловко сунула ему за обшлаг.

Его жизнь сломана, а она предлагает конфеток купить! Еще и не себе, а каким-то провинциальным дурам!

– Довольно уж дуться! Сменишь обстановку попутешествуешь...

От ярости стало горячо в груди: путешествовать – это выехать в Ниццу или в Баден-Баден, или, на худой конец, в Крым, а не в грязную дыру!

– Через годик вернешься...

Он умрет там за год!

– И отдадим тебя... хоть во флот! Будешь морским офицером, раз уж тебе так идет форма!

Во флот! Она даже не собирается протезировать его в гвардию! А еще говорит, что Белозерские – его семья! Надо уходить, сейчас же, немедленно, пока он не наговорил непоправимого, после чего от бабушки и малой протекции не дождешься!

– П-прощайте, бабушка! – выдавая стиснувшую горло злобу за волнение, прохрипел Митя. – Я... буду скучать!

– А уж я-то как буду! Храни тебя Бог, мальчик мой! Аннушка, проводи!

И он пошел к дверям, оставляя за спиной разбитые надежды и эту... подлую... старуху!

Но все же глянул через плечо, надеясь увидеть на ее лице хоть тень страдания. Но бабушка уже пила чай, с легким интересом поглядывая через высокое окно на пеструю толпу внизу, на улице.

Да она вовсе о нем не думает! У нее ведь есть внуки и получше, настоящие кровные Белозерские, а от полукровки, чей отец едва получил дворянство, можно и деньгами откупиться. Пожаловать рублик, как дедушке-городовому на Рождество жаловали.

Он вернется и швырнет бумажник ей в лицо...

И останется вовсе без ничего: и без покровительства, и без денег!

– Дмитрий Аркадьевич... Прошу.

Тихий голос заставил его очнуться. Оказалось, что он уже стоит под парадной лестницей бабушкиного особняка, а провожающая его горничная протягивает ему фуражку с гербом.

Митя решительно и зло нахлобучил фуражку, лишь на миг задержавшись у ростового зеркала. С мимолетным удовольствием оглядел синюю, со множеством блестящих пуговиц тужурку яхт-клуба поверх и впрямь отличного белого жилета и белоснежных же брюк. Даже плебейская коренастость (батюшка удружил наследием!) не столь бросалась в глаза. С этой формой для него была связана последняя надежда, слишком зыбкая, чтоб и впрямь ее питать. Но... оставить Петербург, уехать в эту... губернию!

² Ну разве не прелестно? (Фр.)

– Это не может случиться со мной! С кем угодно, только не со мной! – Он зло сморщился, поправляя в шейном платке длинную, похожую на шило серебряную булавку с навершием в форме серпа, и выскочил на улицу.

Глава 2

Скандалное происшествие в Яхт-клубе

Шум улицы оглушал после чинной тишины бабушкиного дома. Выстроенный еще во времена Петра Дажьбожича, некогда тихий особняк словно накрыло разросшимся городом: теперь мимо окон катили коляски, деловито торопились чиновники, покрикивали уличные разносчики. Придирчивым взглядом Митя окинул поджидающие седоков пролетки. Если бы отец умел жить, могли бы иметь собственный выезд, как все достойные люди, а не позориться в наемном экипаже.

– Не извольте беспокоиться, молодой барин, лошадка сытая, вмиг домчу! – Кучер распахнул дверцу пролетки.

Митя вскочил на подножку... и замер, пристально глядя на выезжающий из-за поворота черный фургон. Лошадь, вроде бы гладкая и ухоженная, копыта переставляла еле-еле, шкура ее непрерывно подрагивала, с боков падали хлопья пены. Широкие наглазники закрывали голову лошади почти целиком, кучера на козлах не было – человек в длинном, до пят, кожаном плаще вел коняшку под уздцы. Четверка городских, придерживая сабли, шагала по обеим сторонам фургона. Они старались держаться солидно, но заметно было, что подходить к фургону близко опасаются. И только вездесущие мальчишки бежали следом, и глаза их горели отчаянным, жадным ожиданием.

Бабах! Изнутри ударило в стену – карета резко качнулась. Банг-банг-банг! Удары сыпались один за другим и... Трах! С треском вылетела сломанная доска. В дыру высунулась рука, кривые когти заскребли по задней стенке фургона.

Мальчишки восторженно засвистели, подскочивший городской принялся тыкать посеребренной шашкой, заставляя шарящую руку втянуться обратно.

– На Петербургской стороне стервеца³ поймали, барин. – Провожая взглядом фургон, извозчик погладил мелко дрожащую кобылу. – Пятеро охотников ловили, так он четверых искусал, а уж простых людей загрыз и вовсе без счета! Даже барышень. Только зонтики от них и пооставались кружевные.

– Не охотников, а сотрудников Департамента полиции по стервозным и нечистым делам. И не загрыз: пару апашей из «рощинских»⁴ покусать успел, – рассеянно обронил Митя.

– Вам виднее, молодой барин... Как слышал – так и рассказываю. Токмо ежели и так, впятером на одного стервеца – разве ж такие охотники... сотрудники... стервозные... в прежние времена-то были? В одиночку на цельное кладбище хаживали! Да в ту пору никто и не слыхивал, чтоб мертвяки по городу шастали. Лежали себе смирнехонько! Некоторые не шибко грамотные ходячих мертвяков за сказки почитали. – Ванька⁵ пару раз важно кивнул, точно как его лошадь.

– Мертвяки лежали смирнехонько, а охотники по целому кладбищу упокоивали, – меланхолично повторил Митя.

– Потому и лежали! Другой, может, и хотел бы вылезти – а боязно! А теперича, что неделя, ловят: то на Выборгской, то на Васильевском... Скоро они прямиком на Невском учнут поживу искать! Слабеет Кровная Сила, как есть слабеет!

– Ты говори, да не заговаривайся, – негромко буркнул Митя.

³ Это не ругательство, а термин. Стервь – падаль, стервец – мертвяк мужского пола, стерва – соответственно, женского.

⁴ Банды хулиганов Петербурга.

⁵ Прозвище извозчиков.

– И правда, что это я! – опомнился мужик. – Извиняйте, барин, все по дурацки да со страху – экое ведь чудище повезли! Куда изволите?

– На Большую Морскую, в Яхт-клуб! – Митя повысил голос в надежде, что сказанный им адрес расслышит не только извозчик, но и юная барышня в сопровождении гувернантки.

– На лодочках, стал-быть, плаваете? – льстиво ослабил извозчик. – Дело хорошее...

– Погоняй, любезнейший, – сквозь зубы процедил Митя.

Стоит ли ждать от вчерашнего деревенского мужика понимания, что такое... Яхт-клуб! Даже в мыслях это слово произносилось с благоговейным придыханием. Члены Яхт-клуба не водили яхт, они, как сказывал Мите младший князь Волконский (пусть не лично ему, но он сам, своими ушами слышал эти слова, так что можно сказать, что и ему)... Так вот, как метко заметил князь, «члены Яхт-клуба ведут корабль политической жизни империи меж бурными рифами». На Большой Морской решались дела правления, налогов и акцизов, мира и войны, железнодорожных концессий и строительства флотов, создавались и рушились карьеры. Могло ли быть иначе, если одних великих князей в клубе почти столько же, сколько во всей императорской фамилии, а именно – двенадцать. А уж министров и сановников двора и вовсе без счета. А этот сиволапый... «ло-о-одочки»!

Особенно неприятно в мужицкой глупости было, что именно на «лодочках» и строился уже полгода как разыгрываемый Митей хитрый план по проникновению в эту святая святых.

Пролетка остановилась у величественного подъезда Яхт-клуба, Митя выудил ассигнацию из бабушкиного бумажника. Вовремя она... но он все равно не простит! Небрежно сунув купюру ваньке и не обращая внимания на его поклоны и благодарности, огляделся – «Смотрите все, я вхожу СЮДА!» – и шагнул в дверь.

– К ротмистру Николаеву относительно гребных гонок, – старательно, до десятой дюйма выверяя кивок, сообщил он величественному, точно архиерей, швейцару.

Швейцар задумчиво поглядел на него. У Мити похолодело в груди: не пустит! Через день весь Петербург знать будет, как его выкинули из Яхт-клуба! Какой позор! Швейцар задержался взглядом на Митином новом жилете... и даже изобразил пусть и неглубокий, но все же поклон:

– Доложу-с. Извольте обождать...

Фффу-ух! Едва сдерживая неприличную бурю эмоций, Митя опустился в кресло. Он всегда знал, что правильно выбранный жилет – самое действенное оружие. И вот он здесь!

Будем честны, даже несмотря на кровное родство, переступить порог достославного Яхт-клуба как гостю у него не было и шанса: ни по положению, ни по возрасту. Потому «обкладывать» эту священную Мекку петербургского света он начал по всем правилам осады – с поисков тайного хода. Таковой нашелся: Яхт-клуб, единственный и неповторимый, сам гонки не устраивал, но, как было сказано в уставе, «участвовал в устройстве с другими яхт-клубами выдачею призов», или, как говаривали его члены, «порой приятно под свежий ветер выбраться да и поставить какую мелочь для пушшего азарту». Вот через эти самые «другие яхт-клубы» Митя и зашел, а именно через Речной на Средней Невке.

Яхты, необходимой для вступления, не было (батюшка на выезд не расщедрился, какая уж тут яхта!), но старожилы Речного жаждали возродить семь лет как прекратившиеся гребные гонки и приобрели несколько байдарок. Отец новое увлечение неожиданно одобрил и даже пошив формы не стал называть расточительством. А уж как год назад их байдарка взяла приз Морского министерства, жизнь и вовсе стала прекрасной. Победителей представили Его Высочеству герцогу Георгию Михайловичу Мекленбургскому. Митя даже надеялся, что герцог его запомнил. В случае победы на следующих гонках обещали представить покровителю Речного, Его Императорскому Высочеству Константину Николаевичу.

И все эти блистательные перспективы отец уничтожил в одночасье!

– Друг мой Димитрий! Димитриос! Вы уж здесь! Ну, пойдете же, пойдете! – Раздавшийся возглас заставил Митю вскочить и торопливо сделать радостное лицо. Впрочем, он действительно рад был видеть ротмистра.

Почти не дыша от благоговения, он шел следом за Николаевым, уверенно ведущим его через элегантные комнаты Яхт-клуба, и отчаянно завидовал. Вот как так? Сюда дети Кровных Родов попасть не могут, а какой-то ротмистр, пусть из гвардии, чувствует себя как дома. Что тут скажешь – связи! А ведь дядюшка тоже мог бы...

– Прошу! – Ротмистр распахнул двери в одну из гостиных. – Не голодны? Я велю чаю.

Митя встал у окна, дыша глубоко, точно надеясь задержать в груди сам воздух этого необыкновенного места. Мимо катило открытое ландо с барышнями в сопровождении пары офицеров – из окна видны были лишь поля прелестных шляпок. Вот бы они посмотрели сюда и увидели его! Потом они бы непременно встретились в свете: «Ах, это вас я видела в Яхт-клубе!..»

– Младшая княжна Грубецкая. – Увлеченный мечтами, Митя даже не слышал, как ротмистр вернулся. – Фрейлина нашей новой государыни. Только представлена, а уж пожалована императорским вензелем и портретом. Кровная Знать, что тут скажешь... – и в голосе Николаева послышался отзвук терзавшей сердце Мити зависти. – Хотя в наши просвещенные времена есть ли смысл так уж держаться за Кровных? Старая Кровь слабеет...

Слышать от человека, приближенного ко двору, то же, что и от мужика-извозчика, было... странно.

– За исключением государя-императора, конечно, который восстановит мощь Дажьбожичей, поколебленную чудовищным цареубийством, – поймав Митин изумленный взгляд, заторопился Николаев. – Но остальные-то! У древнейших Родов Кровь Предков выдохлась от времени – вон сколько малокровных рождается. Да и то... – он понизил голос, – сколько ни называй себя Кровными Потомками, а все знают, что полнота Кровной Силы была только у древних Истинных Князей: детей да прямых внуков Великого Предка. Чем больше поколений отделяет нынешних Кровных от Истинных, тем Кровушка-то жиже, верно? Тут как с правильными браками ни старайся, все одно не поможет – уходит Сила. Со времен первых Истинных, Кия там, Щека, Лыбеди... – при упоминании первой Истинной Княгини, дочери Лели, голос Николаева стал масляным —... бездна лет миновала! Молодая Кровь, которой Предки нас для битвы с монголами одарили, конечно, еще держится, но ведь и тем Родам уже по полтысячи лет! Не так чтоб и впрямь... молодость, если вы понимаете, о чем я, друг Димитриос. Недаром умные люди говорят, что государю следует больше полагаться не на Кровных Князей, а на нас, дворянство. Ибо кто, как не мы, истинная опора трона? Особенно в нынешние печальные времена, когда всякие плебеи тянут грязные ручонки к кормилу власти. – Ротмистр вдруг замолчал: сдается, вспомнил, что по маменьке Митя относится к тем самым выдохшимся древнейшим Родам, а по папеньке как раз к плебеям, которые ручонки тянут. Хотя руки у отца всегда чистые.

Николаев покачал головой и с искренней печалью за судьбы отчизны закончил:

– А меня государь во флигель-адъютанты не взял. Хотя чем я не хорош? Впрочем, государю виднее...

Нет, не вспомнил. Да и кто такой Митя для человека, что каждый день здесь, в Яхт-клубе, встречается с величайшими людьми современности?

Ротмистр снова повернулся к окну, провожая взглядом коляску:

– Не иначе к Болину поехали. Там рубиновая парюра выставлена, говорят, чудо что такое! Под двести тысяч стоит. – Николаев вздохнул и тут же оживился: – Слыхали новость? Соперник у Болина выискался, некий... – он нахмурился, припоминая, – вспомнил – Фаберже! Тоже швед из здешних – тянет их в ювелирное ремесло. Вроде бы государь его изделия на Московской художественно-промышленной выставке заметил. Поговаривают, тут же, на Большой

Морской, свой ювелирный дом открывать будет, видать, Болину в пику. Хотя что имело успех в Москве, здесь, в столице, еще приживется ли? Как думаете?

Мите стоило изрядных усилий, чтоб не выпалить: «Не могу знать!» – точно как отцовские городовые. То-то позорище было бы!

– Все же господин Болин – императорский ювелир, – промямлил он.

– Именно так-с! – Николаев энергично уселся в кресло. – Ну-с, рассказывайте, как подготовка к гонке? Утром Туманному Альвиону нос?

– Посольские гребцы очень сильные соперники.

Альвы из-под Холмов, конечно же, не станут ни с кем соревноваться (они бы, может, и хотели, да только все знают, к чему такие соревнования приводят). Но вот среди человеческих их подданных и даже полукровок гребля в почете, и в ней они истинные мастера. Хотя бы потому, что плавающих по воде, особенно соленой, хозяева Туманного Альвиона предпочитают не трогать.

– Чтобы победить, яхт-клубу... Речному клубу... – Митя не удержался, нервно облизнул губы. – ...Потребуется самые сильные наши гребцы.

– Именно так-с! – подхватил Николаев и доверительно добавил: – Вы же понимаете, друг Дмитрий, среди зрителей будут великие князья, и ваш проигрыш их весьма раздосадует.

– Об этом я и толкую! – дрожа от волнения, начал Митя. Вот он, его последний шанс! – Не сочтите за хвастовство, но я сейчас сильнейший гребец...

Другие, быть может, и не согласны, но это они исключительно из зависти.

– Однако мое участие в гонке, увы, может не состояться, поскольку я вынужден уехать. – Митя чувствовал, как в голосе начали появляться скорбно-просительные нотки.

– Как это – уехать? Что вы такое удумали, Димитриос! Да я сейчас же к министру... – Ротмистр озадачился, видно, не зная, к какому министру идти, но тут же отменил сомнения решительным взмахом руки. – К любому министру! Или великому князю – тоже любому! Вам решительно запретят уезжать перед гонками!

Митя затаил дыхание: если кто-нибудь – неважно кто! – с Большой Морской потребует, чтоб Митя остался, отцу придется смириться. Хотя бы до гонок, а там посмотрим – догонять отца в одиночку через всю империю... Бабушка точно не позволит.

Надежда робкой бабочкой присела на сердце... и ее крылышки судорожно дернулись, когда дверь отворилась и в гостиную ввалилась шумная компания военных и статских молодых людей, все лет на семь – десять старше Мити. Младший князь Волконский, Митин кумир, тоже здесь! Может ли теперь так случиться, чтоб не только Митя знал князя, но и тот тоже знал Митю?

– Вот и они, легки на помине! – шепнул Николаев, вскакивая и едва заметно кивая на молодого человека в мундире кавалергарда и смущающегося юношу даже чуть моложе Мити.

Митя едва не опоздал последовать за ним, с восторженным ужасом понимая, что его все же представят великому князю! Да и не одному!

– Ваши Императорские Высочества! Николай Михайлович... Александр Михайлович... – Николаев поклонился сперва молодому человеку, а потом и юноше.

«Михайловичи... Сыновья наместника Кавказа! Дяди императора!» – кланяясь следом, сообразил Митя.

– Господа... – Николаев небрежно кивнул сопровождавшим царственных кузенов свитским. Те ответили ротмистру такими же пренебрежительными взглядами, а князь Волконский и вовсе отвернулся, полируя и без того безупречные ногти об обшлаг изящнейшего сюртука – не иначе как от Генри. А может, и вовсе парижского. Младший из великих князей с застенчивым интересом смотрел на Митю.

– Позвольте представить! – Мгновенно уловив этот интерес, Николаев чуть подтолкнул Митю в спину. – Один из тех молодцев, что победили в лодочной гонке на приз Морского Министерства.

Интерес великих князей стал заметнее, старший даже улыбнулся поощрительно. Николаев толкнул Митю локтем. Потом еще раз. Пауза затягивалась, и Митя наконец сообразил: ротмистр помнит только его имя!

– Дмитрий Аркадьевич Меркулов к услугам Ваших Императорских Высочеств! – глухо пробормотал он.

– Мне очень понравились гонки! Как вы держитесь в этих ваших лодочках? – немедленно воскликнул младший из великих князей. – В них же так легко перевернуться!

– Привычка, Ваше Императорское Высочество! – Митя снова поклонился.

У него все получилось! Еще пара слов, и отец ни за что уже не сможет увезти его.

Воцарившееся над головой молчание заставило его замереть. Наконец сообразив, что торчат посреди гостиной как сломанный карандаш вовсе не *comme il faut*⁶, Митя выпрямился.

На губах свитских еще стыли любезные улыбки. Юный Александр Михайлович растерянно глядел на старшего брата, а тот... отступил брезгливо, будто увидел кучу навоза на сверкающем паркете Яхт-клуба.

– Меркулов? Уж не сын ли надворного... ах нет, уже коллежского советника Аркадия Меркулова? – Последний чин он выделил голосом, все с той же брезгливостью, точно говоря о постыдном.

«Нет! – хотелось закричать Мите. – Это ошибка... Однофамилец! Я ни при чем!»

– В Яхт-клуб теперь допускают сыновей предателей, опозоривших царскую фамилию? – отчеканил великий князь Николай.

– Сын... того самого? – свистящим шепотом переспросил его младший брат и тоже отступил, до последней черточки скопировав выражение лица старшего брата. – Который... кузена... арестовал, да?

– Не городи чепухи, Сандро! Кто бы осмелился арестовать члена Семьи?

– Но зачем-то же этот юноша явился в Яхт-клуб, Ваше Высочество? – вдруг томно протянул Волконский. – У нас тут что, украли ложечки?

Митя ошеломленно уставился на своего кумира: как... за что? Среди свитских раздалась смешки.

– Николаев притащил сынка городского! Уж не желаете ли вы сменить гвардейский мундир на жандармский, а, ротмистр? – подхватил второй.

– Господа, господа... Ваши Высочества! – Николаев нервно сцепил пальцы. – Клянусь, я не знал! Никогда не интересовался именем того мерзавца... негодяя... который осмелился очернить... осквернить... Да этот мальчишка меня попросту обманул!

– Вот вы какой, оказывается... доверчивый! Как барышня... – все с той же ленивой томностью протянул Волконский, разглядывая побагровевшего Николаева. На Митю младший князь не глядел вовсе, точно тот был пустым местом. – Остается спустить сего наглеца с лестницы, чтоб не смел обманывать наивных гвардейских ротмистров. – И уже другим тоном добавил: – А потом и батюшку его сыскать не худо бы...

– И на дуэль! – выпалил здоровяк в артиллерийском мундире.

– Какая дуэль с жандармским рылом! Всыпать горячих, чтоб знал свое место! – скривился Волконский.

Артиллерист, недолго думая, шагнул к Мите... и ухватил здоровенной ручищей за ворот. Митя даже шевельнуться не мог, только в голове перезвоном сумасшедших колокольцев звучало: «за что?» и «что же делать?» Под цепенящими взглядами свитских он неловко, но отча-

⁶ Хороший тон (*фр.*).

янно трепыхнулся: «Княжна Трубецкая еще может увидеть меня в Яхт-клубе – слетающим с крыльца». Какой позор! Но драться? Перед лицом самих великих князей? С губ Мити сорвался беззвучный стон, артиллерист приподнял его за шкуру, как дворового кота, забежавшего в гостиную...

– Волконский, вы собираетесь выпороть дворянина, получившего орден и чин из рук государя? – раздался холодный голос.

Снова тишина пала на гостиную. Зажмурившийся от ужаса Митя приоткрыл один глаз...

Средних лет господин в мундире артиллерийского генерала стоял у дверей в гостиную. Высокого роста, очень худой, даже костлявый, гладко выбритый, несмотря на пришедшую с новым императором моду на бороды, с резкими, точно рублеными чертами лица, он одинаково насмешливо глядел что на свитских, что на самих великих князей. И те одинаково смущенно мялись под взглядом холодных и неподвижных, как у мертвой рыбины, темных глаз. Хватка артиллериста на Митином вороте медленно разжалась.

– Николай Михайлович... Вы уверены, что вашему младшему брату следует здесь находиться?

– Никак нет, ваше превосходительство, господин наставник, – едва ли не шепотом отозвался старший из царственных кузенов.

– В следующий раз, когда не будете в чем-то уверены, не делайте этого, – мягко сказал генерал, и от этой мягкости великий князь нервно сглотнул. – Прошу вас отвезти Сандро во дворец и вернуться в училище. Мы с вами после побеседуем.

– Так точно! – отчеканил великий князь.

– Вас же, князь, прошу запомнить: государю лучше известно, кого карать, а кого награждать, и в ваших советах Его Величество не нуждается. Заодно уж уясните разницу между полицейскими и жандармским корпусом – стыдно Кровному Князю не знать устройства империи. Что касаясь остальных господ свитских, прошу каждого вернуться к месту службы и передать вашим старшим начальникам мое крайнее неудовольствие вашим поведением. И более никогда в клуб не возвращаться! – по-прежнему мягко закончил он, но это-то и было самое страшное.

Свитские вскинулись все, дружно – и тут же принялись один за другим опускать головы под пронзительным взглядом темных глаз генерала.

– А вы, юноша... – Он многозначительно поглядел на Митю. – Следуйте за мной.

Глава 3

Беседа на ковре о материях высоких и опасных

Понуру, как груженный осел, Митя проследовал. Они миновали гостиные и оказались в самой святой святых – курительных и кабинетах. Еще недавно он был бы восхитительно, невозможно счастлив... Но не сейчас.

– Не беспокоить, – отрывисто бросил генерал, подталкивая Митю внутрь.

Дверь захлопнулась. Митя остался стоять посреди кабинета. Охватившее его оцепенение не позволяло даже оглядеться. Генерал досадливо поморщился и плеснул из графина воды в стакан.

– На, выпей! Сейчас тебе это необходимо.

Стакан выскользнул у Мити из пальцев, но не разбился, утонув в густом ворсе ковра.

«Жаль, что не разбился, – почему-то подумал Митя. – Жаль, что мы оба... уцелели».

– Я уж не спрашиваю, как ты здесь очутился, Дмитрий, – устало произнес генерал. – Но почему придворные шаркуны оскорбляют твоего отца, а ты молчишь?

– Но ведь они правы, дядя! Правы! – закрывая лицо руками, простонал Митя.

Сейчас он понимал истеричных барышень – очень хотелось растоптать каблуками валяющийся на ковре стакан. А лучше – кого-нибудь ударить. Наверное, от невозможности сделать все это барышни и рыдают. Ему и рыдать нельзя, дядя не одобрит.

– Правы? В чем? – тихо спросил князь Белозерский. – В том, что царствующую фамилию позорит не мальчишка, сперва растративший все свое содержание – великокняжеское содержание! – на... Предки, на безделушки! Потом, прикрываясь именем отца, влезший в долги и, наконец, полностью позабыв и происхождение, и долг, решившийся на кражу. А позорит царскую Семью твой отец, который вывел его на чистую воду?

– Может, Николай Константинович вовсе не считал, что крадет те изумруды? Великая княгиня же его мать, и что такого... – запальчиво возразил Митя. Эту версию он слышал в свете, от которого тщательно скрывался позор Семьи, а значит, знали о нем все, включая дворников и помоек. Собственно, они-то как раз все узнавали первыми.

– Что такого – выломать изумруды из оклада иконы, – насмешливо прервал дядя.

Ответить Мите было нечего – это уж и правда со стороны великого князя было несколько... *mauvaiston*⁷. Так не принято в обществе. Хотя он же великий князь, быть может, полагал, что все «принято – не принято» его не касаются.

– Что дурного – промолчать, когда подозрение пало на прислугу и во дворец его отца вызвали полицию. И вновь промолчать, когда обвинять стали адъютанта.

Митя покосился на дядю: он великого князя как раз понимал. Кто остальные обвиняемые, а кто князь? Вот отец понять не пожелал. И полез копать, куда вовсе не следовало.

– Отец присягу давал защищать царствующую фамилию, а сам...

Все простое происхождение виновато: хоть отец и стал потомственным дворянином, а что это означает, так и не понял. Гордость за предков... тут гордиться особо нечем, не дедом же – городовым, право слово... И ответственность за потомков! А он своему единственному потомку жизнь сломал!

– Твой отец присягал защищать державу и государя, их он и защитил! – отрезал дядя и, явно сдерживая ярость, глубоко вздохнул и заговорил размеренным, даже проникновенным тоном: – Ты и впрямь считаешь, что следующий чин и подаренное имение – выражение госу-

⁷ Дурной тон (*фр.*).

дарева неудовольствия? Поверь мне, государь весьма доволен... позором своего кузена. Теперь никто не посмеет возразить, когда он снимет со всех постов его отца.

– А? – переспросил Митя, совершенно по-плебейски приоткрыв рот. Только что мир был прост и понятен: позор члена августейшей фамилии ложится на всю Семью. То, что у государя могли быть иные соображения, казалось ему непостижимым.

– Бе, – буркнул в ответ дядя. – Бараны вы, молодые, – рога выставили, кровь мозги туманит... соображать не желаете. Да ты сел бы! Поговорим... раз уж намеков не понимаешь. Константин Николаевич, батюшка нашего августейшего воришки и брат покойного императора, генерал-адмирал нашего флота, а также почетный покровитель и этого клуба, – он широким жестом обмахнул кабинет, – и твоего Речного, как ты знаешь... должен знать, учителя у тебя неплохие... является еще и одним из творцов реформ покойного императора Александра Николаевича. Включая освобождение крестьян из власти помещиков и иные прочие... – Дядя на миг замолчал, как замолкали все, вспоминая страшную гибель государя. Убийства императоров случались: Петра III, например, или Павла. Но то были чинные убийства, совершенные лучшими людьми империи ради блага державы. Совершались они тоже чинно, кулуарно даже, не вынося разброд в Великой Семье на суд публики: всегда была возможность сказать, будто император умер от удара, не уточняя, что то был вовсе не апоплексический удар, а удар табакеркой в висок. Но император, убитый своими подданными, – это не укладывалось в голове! Чтоб на Кровного Потомка Дажьбожьего вели охоту, то стреляя, то подкладывая бомбы в Зимний дворец, и наконец взорвали на глазах у запрудившей набережную Екатерининского канала толпы... Да кто они такие, чтоб себе подобное позволять?

– Государь наш нынешний, Александр Александрович из рода Дажьбожичей как по государственному, так и, – дядя досадливо пригладил ус, – скажем откровенно, личным разногласиям с покойным батюшкой реформы не жалуется и желал бы если не вовсе обратить их вспять, что уже невозможно, то хотя бы ослабить.

– Но... это же хорошо? – несмело спросил Митя. – Все говорят, что реформы ограбили лучших людей, отняли естественные права дворянства и подорвали опору трона.

– Это каких лучших? Тех, что получили компенсацию за своих людей и земли и растравили на гулянки? Оказалось, что подпирать трон они никак не способны без крепостного дядьки, который подает морс, и выпоротого для вящего вразумления казачка, чешущего пятки? Ну и без крестьян, работающих от зари до зари, не получая за то и полушки, ибо все они – лишь собственность своего господина? – Князь Белозерский уставился на племянника насмешливым взглядом. – Ты еще вспомни, что говорят эти самые лучшие люди про безродных *parvenu*⁸, кои лезут даже на государеву службу, тесня в чинах истинно благородных людей.

Митя надулся. Подслушивать нехорошо, а напоминать про отцовское природное плебейство и вовсе неблагородно!

– Думаешь, мы не пытались скрыть происшедшее? Вот эти самые благородные люди и разнесли – и с той же самой целью: чтоб у «партии Мраморного дворца» не осталось и шанса удержаться при власти.

– Но... – Митя только сейчас сообразил. – Дядюшка! Ты же сам... из «партии Мраморного дворца»? Ты же с Константином Николаевичем... в лучших друзьях! Соратниках!

А он еще пенял на дядюшку, что не представил Константину Николаевичу! Выходит, и хорошо, раз тот у государя в опале?

– Что же теперь будет? – шепотом спросил он.

Дядя в ответ криво усмехнулся.

– Флот возглавит Алексей Александрович. «Семь Пудов Августейшего Мяса» интересуется лишь изысканными красавицами и еще более изысканным столом. Его понимание флот-

⁸ Выскочка (*фр.*).

ского дела закончилось на парусных судах, а значит, скоро флот наш, и без того не лучший, вовсе превратится неведомо во что. Воля ваша, господа, – вдруг задумчиво произнес он, явно говоря не с Митей, а с кем-то, присутствующим лишь в его мыслях. – Великий князь в воришках – лишь приметя происходящего. Что-то неладно с Великой Семьей.

– Они же... Дажьбожичи! – Митя даже испуганно огляделся, словно боясь, не спрятался ли кто под столом. – От начальных времен державы Киевской, в них – кровь Солнца! Как Солнце стоит над миром, так они – над державой, потому все, что делают они, – державе во благо!

– Они делают все, что державе во благо... – задумчиво повторил князь Белозерский. – Хорошо, если по-прежнему так, а не наоборот. А может, все потому, что Александр – случайный наследник. Если бы его старший брат не умер...

– Дядюшка! – вскричал окончательно скандализированный Митя. – Что вы такое говорите!

– Прости! Ты еще слишком мал, чтоб обсуждать подобные вещи.

– Я не маленький! – гневно вскинулся Митя.

Да что ж его всё в дети записать норовят?! На семейных приемах, куда он порой попадал с бабушкой («Младший внук? Сколько ему – скоро шестнадцать? Ах, княгиня, вы нас обманываете, вы слишком молоды, чтоб иметь такого взрослого внука»), он оставлял скучную детвору и неслышно, как тень, проскальзывал в курительные комнаты («Не гоните мальчика, господа, пусть учится правильному пониманию жизни»). Блистательные молодые офицеры, потягивая херес, с апломбом объявляли: «Министр... князь... посол... сенатор... сказал мне в Яхт-клубе...» Далее следовал ворох политических сплетен, не всегда понятных, но всегда восхитительных ощущением причастности к тайнам державы и света. Нынче он сам сидит в Яхт-клубе, а князь, сенатор и даже бывший посол приобщает его к тайнам настолько опасным, что как бы в крепость не загреметь – и перед кем этим похвастаться, если в свете он отныне изгой?

– Я всего лишь хотел узнать: что теперь будете делать вы? – отвел взгляд Митя.

– Наставником молодых великих князей я, скорее всего, быть перестану. Сенаторскую должность и Государственный совет... возможно, тоже придется покинуть. Вернусь в действующую армию, – с некоторым даже удовольствием заключил князь. – Если в деревню не сошлют. Но уж винить в случившемся твоего отца точно не стану. Наоборот, именно в его деятельности вижу залог нашего возвращения.

– Его тоже сослали! – с возмущением воскликнул Митя. Да что ж такое! У него теперь и влиятельной родни в столице не останется?

– Ма-альчик! Сдается мне, ты слышишь только себя да свое нежелание уезжать от пикников да детских балов, – укоризненно протянул дядя. – Если ты и впрямь мнишь себя взрослым, постарайся понять. – Он снова вздохнул. – Я бы все едино ушел. В армии запретили обучение низших чинов грамоте, а безграмотные – как они справятся с новейшим армейским снаряжением? Нынче у нас идеи генерала Драгомирова в почете, а его высокопревосходительство полагает, что нововведения наподобие полевых дзотов лишь заставляют солдата труситься. А немецкие боевые автоматы мы, видать, шашками порубаем. Противостоять этому можно лишь прямо на месте, в армии, чем я и займусь. Роль же твоего отца еще значительней...

Митя только фыркнул: вот уж значительность в этой самой Екатеринославской губернии!

– Все же маленький, – укоризненно покачал головой дядя. – Мальчик, твои предки, один за другим, служили в полиции. Поговаривают, еще в Разбойном приказе при Иване Грозном один Меркулов подвизался.

Почему дядя пытается навязать ему этих предков? Все Белозерские, вся родня его матери были военными, а по отцовской линии кто? Дед – городской да прадед – сторож-будочник?

– ...чудовищная слабость полиции.

Кажется, он что-то пропустил.

– За нашим императором... – Голос дяди прозвучал глухо, он помолчал и еще глуше добавил: – За моим другом охотились... мы знали... и не сумели предотвратить убийство. Нынешний государь живет в страхе. Веришь ли, господин Победоносцев, обер-прокурор наш синодский, поучает императора, как двери перед сном собственноручно запирают и под кровать заглядывают: не затаился ли там нигилист с бомбой. – Дядя криво усмехнулся. – Не смогли спасти царя, что будет с простым обывателем? Организации у полицейских служб нет – Департамент полиции появился в столице, а по губерниям жандармы по-прежнему плюют на полицейских, те мрачно отмалчиваются да гадят жандармам при любом случае. Железнодорожной полиции и вовсе никто не указ. Уездные исправники заняты выколачиванием недоимок. Городские полицмейстеры, те больше богатых купцов визитируют – собирают от них положенное... Так, кажется, это называется?

– Положение, – невольно поправил Митя.

– То есть взятку положить? – заинтересовался дядя. – Ты думаешь, откуда я это все знаю? Твой отец рассказал. Мы с ним последнее время много разговаривали. Он едет в Екатеринославскую губернию не только потому, что там – выделенное ему в награду имение. Твой отец едет в Екатеринослав главой первого губернского Департамента полиции. С особыми полномочиями и подчинением даже не губернатору, а столичному департаменту и Министерству внутренних дел. Он знает полицейскую службу с самых низов...

Митя опять покраснел: ну сколько можно?

– Этот самый Екатеринослав – место отнюдь не простое, важное для империи место. Если твой отец сумеет наладить настоящую полицейскую службу там... нам будет что ответить Победоносцеву. – Князь стиснул кулак. – Не буду говорить тебе сейчас о пользе для державы, но, если все удастся, отец твой вернется в Петербург уже статским советником. Пятый ранг, от него и до действительного статского с представлением ко двору и всеми прочими привилегиями недалеко.

– Статский? Статский! – Митя вскочил, тут же позабыв о дядюшкиных небезопасных откровениях. – От коллежского до статского советника обязательные четыре года выслуги! Мне торчать в этой дыре четыре года? Дядюшка, четыре года!

Дядюшка одарил Митю безнадежным взглядом.

– Предпочитаешь прятаться... на чердаке бабушкиного особняка?

– Почему... на чердаке? – растерянно спросил Митя.

– Потому что стоит тебе высунуть нос хоть в одну светскую гостиную – и сцена, которой я был свидетелем только что, повторится. Не имея возможности добраться до твоего отца, ревнители государевой чести отыграются на тебе.

Митя медленно опустил обратно в кресло. Понимание приходило – четкое и безжалостное осознание того, что все его отчаянные метания по Петербургу с самого начала были обречены на провал.

– Впрочем, если уж ты так страстно хочешь остаться... – В голосе князя зазвучали опасные нотки, но Митя все же вскинул голову в отчаянной надежде... и встретился с насмешливым взглядом дядюшки. – Ты знаешь, что надо делать, чтобы стать выше их всех. Чтоб даже великие князья лишь скрипели зубами от злости, но сказать ничего не осмеливались. Столь любимый тобой свет и двор – все станет тебе доступно. Хочешь? Поедем, сделаем все прямо сейчас – есть вполне подходящий... предмет. На Петроградской стороне выловили.

– Я знаю, – мрачно буркнул Митя. – Видел. А... там всего один мертвяк был?

– Поверь мне, одного вполне достаточно, – насмешливо приподнял брови дядя.

– На пятерых полицейских одного мертвяка тоже оказалось достаточно. Кажется, один из них ранен.

– Малокровные... – зло ругнулся дядя. – А может, и вовсе бескровные, сейчас их в полиции все больше. А кровных потомков Мораны, готовых исполнить свой долг, все меньше. Говорят, не *comme il faut* Кровной Знати превращаться в жандармское рыло.

Митя кивнул: конечно же, не *comme il faut*! Какой даже не Кровный, а просто дворянин согласится...

– Ну, или прикрывают цветистыми словесами свое малокровие, – презрительно закончил дядя. И почти шепотом добавил: – Сила Крови истощается.

– Да, все говорят, – согласился Митя.

– Кто говорит? Где? – стремительно обернулся дядя, и глаза его так блеснули, что стало понятно: болтунам не позавидуешь. – Здесь, в Яхт-клубе?

«Донести на Николаева? – подумал Митя. – Фу! Мелко».

– Каждый извозчик говорит. Во всяком случае, тот, что меня вез.

А что – правда ведь.

Дядя стиснул пальцы в кулак:

– И после такого ты по-прежнему отказываешься? Поехали, Митя... Да и для второго... скажем так, шага... найдем кого подходящего. В тюрьме хотя бы... Мне не откажут, – теперь тон князя Белозерского стал откровенно искушающим.

– Нет! – хрипло выдохнул Митя и по-простецки, ладонью, отер текущий по лбу ледяной пот. Его оказалось так много, словно он водой из графина в лицо плеснул. – Нет, я... не хочу...

– Твоя судьба, мой мальчик... – мягко начал дядя.

– Моя судьба! – отрезал Митя.

– Хотелось бы мне знать: принципиальность это... или слабость, – откидываясь на спинку кресла, хмуро процедил дядя.

– Полагаете, я трушу? – звенящим от обиды голосом спросил Митя, но удостоился в ответ лишь равнодушного взгляда – дядя смотрел на него так... как только что на свитских великих князей, и это было... отвратительно.

– Тебе решать... Хотя жаль. Бабушка была бы довольна.

Митю затрясло. Он знал, что дядя говорит вовсе не о той бабушке, с которой он еще утром пил чай в особняке Белозерских.

– В таком случае собирайся. Отец тебя ждет, – и дядя поднялся.

Мите не осталось ничего другого, кроме как вскочить.

Глава 4

Прощай, столица, навсегда!

Стараясь идти ровно и не пошатываться, Митя следовал за лакеем к выходу. В душе у него все онемело настолько, что он даже не боялся снова наткнуться на великих князей или на кого из свитских, волею дяди изгнанных из Яхт-клуба.

– Пст... пст... – свистящий звук заставил его оглянуться.

Ротмистр Николаев выглядывал из-за двери робко, точно мальчишка, отправленный в комнату «подумать над своим поведением».

– Димитрий! – Ротмистр огляделся по сторонам и поманил Митю за собой. Не сдержав любопытства, тот подошел. – А вот его светлость... господин генерал... – еще раз оглядевшись, свистящим шепотом спросил Николаев, – он из клуба-то только свитских выгнал? Про меня ведь не говорил?

– Мне кажется, он вас даже не заметил, господин ротмистр, – с усталым безразличием ответил Митя.

– Именно так-с! – тут же повеселел ротмистр. – Главное, в ближайшие недели ему на глаза не попасться, а там, верно знаю, его из Государственного совета в отставку попросят.

Митя вымученно улыбнулся. Отставка, о которой сам дядя еще только догадывался, была уже доподлинно известна ротмистру. Вот что значит светский человек.

– Не иначе как к армии уедет, тут-то я снова и появлюсь. Мне без Яхт-клуба никак нельзя, я ж не Кровный, чтоб на меня милости государевы сами собой сыпались, – доверительно сообщил ротмистр.

Отставка, ссылка в отдаленную губернию, возвращение к армии... И впрямь сыплются... милости.

– Тогда, наверное, и свитские смогут вернуться, – вымученно улыбнулся Митя.

– Э-э, нет! Кто ж князя Белозерского послушаться осмелится? С его-то... Кровной Родней.

– Так Сила Крови же выдохлась! – не удержавшись, напомнил Митя.

– Так это ж смотря чья Кровь! Этой... и выдохшейся хватит, – удрученно хмыкнул Николаев и тут же старательно приободрился: – Давайте прощаться, друг мой Димитриос! Счастливой вам дороги в эту вашу... губернию, – снова проявил осведомленность в чужих делах ротмистр. – Не печальтесь, и в провинции люди живут. Хотя как – не представляю. Главное, *mon jeune ami*⁹, помните – коли желаете быть порядочным человеком, не пейте вин, кроме французских, не покупайте икры, кроме как у Елисеева... в этой вашей глуши ведь есть Елисеев? Ну и не ездите вторым классом, вот уж это вовсе гадость!

* * *

Отстукивая тростью по булыжникам мостовой, отец, в партикулярном платье, с портпледом подмышкой и саквояжем в руке, бодро взбежал по ступеням вокзала. Следом, также нагруженный, печально тащился Митя. Над шпилями вокзала трепетали флаги. Пестрая толпа – от мужиков в сермягах до дам и господ в элегантных дорожных нарядах – заполонила перрон: слышался шум, выкрики, бойко наярывал военный оркестр, и тут же все перекрыл рокот паровозного гудка. Митя на мгновение замер, засмотревшись на механическое чудо.

– Митя, ну где же ты? Поторопись, скоро отправляемся!

⁹ Мой юный друг (*фр*).

Митя оглянулся... Отец уже прошел вперед и теперь махал ему... от выкрашенного желтой краской вагона. Желтого? Митя едва не выронил саквояж. От ярости у него перехватило горло. Отец взял билеты второго класса!¹⁰

¹⁰ Синим цветом обозначался вагон первого класса, желтым – второго, зеленым – третьего.

Глава 5

Неприятнейшее путешествие в пренеприятнейшей компании

– Так и будем всю дорогу молчать? – устало спросил отец.

– Ну что вы, батюшка, – с предельной вежливостью ответил Митя. – Как можно. Об чем бы вам желалось поговорить?

– Как я буду справляться с губернскими властями, ежели с собственным сыном управиться не могу?

– Не беспокойтесь, батюшка, я вовсе не собираюсь вас компрометировать. Обещаю быть покорнейшим из сыновей.

– О Боже, Боже... – Отец только вздохнул, бездумно глядя то ли на мелькающие за окном квадраты полей, то ли на собственное отражение в темном стекле.

Вскоре поля, и без того едва различимые, утонули в чернильном мраке, лишь изредка вспыхивая тусклыми, похожими на мерцание гнилушек в болоте огоньками деревьев. Смотреть стало вовсе не на что. Наверяд ли хоть кто-то подсядет на следующих станциях – тут, сдастся, люди и вовсе не живут.

Митя бросил разложенный портплед поверх вытертых цветов обивки вагонного дивана.

– Надо же, ты снял сюртук! – саркастически протянул отец. – Я уж думал, он для тебя как вторая кожа.

– Вам стоило только приказать, батюшка, – все так же вежливо откликнулся Митя. – Быть может, вашему авторитету перед губернскими властями поспособствует, если я пробежусь гольшом по вагону?

Отец молча отвернулся к окну. Митя удовлетворенно прикрыл глаза: он так и знал, что никому не нужен – ни бабушке, ни дядюшке, ни тем более отцу. Того волнует лишь собственная карьера! Он один в провинциальной пустыне, оклеветанный и униженный светом, оставленный семьей, совсем как Манфред или Лара в сочинениях лорда Байрона:

*Nor to slumber, nor to die,
Shall be in thy destiny;
Though thy death shall still seem near
To thy wish, but as a fear;
Lo! The spell now works around thee,
And the clank less chain hath bound thee;
O'er thy heart and brain together
Hath the word been pass 'd – now wither!*¹¹

Внутри разливалось жгучее чувство обиды, в своей мучительности даже... слегка приятное.

Герои альвийского лорда-поэта страдали хотя бы среди сияющих пиков гор и бездонных пропастей, а не в вагоне второго класса! Посмотрел бы он, как бы они вынесли подобную муку! Это был уже третий вагон, который они сменили в дороге, и каждый был хуже предыдущего. Нынешний и вовсе считался миксом: наполовину первый класс, наполовину – второй. Отец

¹¹ Ни забвенья, ни могилы Не найдет твой дух унылый; Заклинанье! – очарован И беззвучной цепью скован, Без конца томись, страдай И в страданьях – увядай! (Англ.) Дж. Г. Байрон. «Манфред», перевод И. Бушина.

даже сказал, что уж теперь-то Митя поймет, как глупо тратить лишние десять рублей на каждого, если все равно вагон один и тот же.

Микс оказался хуже всех: пах сладковатой древесной гнилью и кренился набок под тяжестью здоровенной вагонной печи, отделанной облупившимися изразцами. «Первоклассную» половину отгородило занавесями помещичье семейство с многочисленными детьми: видно их не было, зато слышно – превосходно. Разве что к ночи детские крики и слезливый голос гувернантки сменились сонным бормотанием.

Четверо купчиков, отмечавшие некую удачную сделку, пытались вовлечь в свой праздник и отца, но натолкнулись на особенный, «полицейский» взгляд и затихли. Зато повадились сбегать из вагона на каждой станции, добирая веселья в станционных буфетах. Сейчас с их диванов доносился раскатистый храп и омерзительно тянуло кислотой.

Митя уткнулся носом в спинку вагонного дивана, а заодно уж накрылся пледом с головой. Цоки-цоки-цок, цоки-цок... – клацанье паровоза по рельсам переплеталось с гулким стуком вагонов – чуки-чук, чуки-чук. Темнота неохотно сгушалась под веками, обещая краткое забвение всех горестей, и с плавным покачиванием дивана Митя поплыл в сон.

– Сюда извольте... – донесся негромкий голос кондуктора, следом послышался топот – шагать старались осторожно, а оттого еще больше шаркали, сопели и кряхтели. – Прощенья просим, ваше высок-блаародие. Остальные места все заняты.

– Да-да, господа, прошу вас... – раздался в ответ тихий голос отца. – Митя...

Зашипел стравленный пар, затягивая окна белой пеленой, вагон дернулся. Рядом с головой отчаянно сопротивляющегося пробуждению Мити что-то грохнуло, висящая над ним багажная сетка прогнулась под тяжестью, сам он судорожно подскочил... и ткнулся лбом в высунувшийся сквозь ячейки сетки медный уголок чемодана.

– Оуууй! – схватившись за лоб, взвыл Митя.

Дрыхнувший на соседнем диване купчина ухнул на пол, подскочил, вода вокруг сонными, безумными глазами:

– Разбойники... Грабят... Вот я вас, башибузуков! – хрипло забормотал он, хватая спрятавшийся за голенищем нож.

За занавесом, отделяющим помещичье семейство, проснулся и заплакал ребенок; плач побежал по детям как по бикфордову шнуру, и скоро из-за занавеса уже несли непрерывный вой.

– Владимир Никитич, что же вы сидите, когда там нас, возможно, уже убивают какие-нибудь апаши! – вскричал требовательный женский голос.

– Дорогая, мне пригласить их сюда, чтоб они убивали нас тут? – поинтересовался мужской бас.

– Господа, успокойтесь! – возвысил голос отец. – Никто никого не убивает, всего лишь небольшое столкновение.

– Когда речь о железной дороге, слово «столкновение» отнюдь не успокаивает, – пробормотал стоящий рядом с отцом господин в форме инженера-путейца.

– Небольшое столкновение головы с чемоданом, – поглядывая на Митю, громко уточнил отец.

Рядом хихикнули. Митя резко обернулся и увидел юношу чуть выше себя ростом. Курносая физиономия аж вздрагивала от желания расхохотаться – казалось, веснушки сейчас посыплются. Митя представил себя: встрепанного, в сбившейся сорочке, может, даже с синяком на лбу... Почувствовал, что вот-вот покраснеет... и одарил юношу долгим оценивающим взглядом, особенно останавливаясь на потрепанных ботинках и на запястьях, выглядывающих из слишком коротких рукавов мундира реального училища. В глазах юноши вместо веселья вспыхнуло возмущение.

«Понятливый», – с довольным злорадством подумал Митя.

Старшие этот быстрый обмен взглядами не заметили.

– Какой переполох мы учинили! Душевно прошу прощения за беспокойство! – Путеец поклонился. – Мне крайне неловко, вы давно в дороге, устали, а тут мы...

Митя только сжал губы: истинный дворянин даже вдали от цивилизации должен выглядеть как после визита цирюльника. А он так и выглядел, ровно до сего момента! Пока не явились эти... тактичные господа.

– Так уж видно, что давно? – весело спросил отец, ничуть не обиженный наглым замечанием. – Что ж мы стоим, господа?

– Ну что вы! Просто я-то на железной дороге, почитай, с детства, глаз наметан. – Путеец уселся рядом с отцом. – Позвольте отрекомендоваться: Смирнов Александр Васильевич, титулярный советник, инженер Курско-Харьковской чугулки, следую со своего участка строительства в Екатеринослав, в канцелярию губернатора, с весьма важным докладом. Ну и с сыном вот, Гришей...

– Меркулов Аркадий Валерьянович, в отпуску... пока что, – наклонил голову отец. – Еду с сыном смотреть новое имение.

«Говорить, что имение государь подарил, батюшка не станет», – желчно подумал Митя. Чина отец не назвал, что будет в этой их губернии вторым человеком после губернатора – не сообщил, а Мите из-за его либерализма общайся невесть с кем! Почему плебеи полагают, что наличие билета дает им право вот так бесцеремонно навязывать свое общество? Митя брезгливо покосился на плюхнувшегося на диван путейского сынка и подтянул к себе плед.

– Не пожалеете, что купили! – горячо вскричал путеец. – Черноземы богатейшие, и вся Екатеринославская губерния преизрядная... или вот-вот будет таковой. Как Екатерининскую чугулку достроят. Не только зерно вывозить станут, промышленность здешняя тоже вперед рванет: тут и железо, и уголь. Истинная Новая Америка! В губернии-то у нас не то что на Урале – иностранцам тоже дозволено землю приобретать: хоть под имения, хоть под заводы.

Полный город бельгийских представителей, и французы, и немцы есть, даже... – он загорнично понизил голос, – из Туманного Альвиона кое-кто имеется.

Митя вздохнул: глупо надеяться, что среди иностранных подданных случатся благородные, светские люди. Наверняка сплошь мужланы, думающие только о железе, угле или вон... железных дорогах.

– Железные дороги, это я вам скажу, сударь, и есть истинный движитель прогресса! – продолжал разливаться соловьем путеец. – Еще лет десять назад проехали б вы так через всю империю? Мало того что самих дорог было раз-два и обчелся, так ведь у каждой еще и свой хозяин имелся. Это сейчас поезд с рельс на рельсы перевели, и пассажир следует себе дальше, иногда даже и не заметив перемены. А тогда не-ет! Закончилась дорога одного хозяина, выгрузайся да со всеми сундуками на другую тащись: близко ли, далеко – неважно! Вагоны: лавки вдоль бортов поставили, парусину сверху натянули – извольте видеть, вагон! Не то что сейчас: и диван, и вот... – он слегка сконфузился, – место отхожее.

– Вы много знаете о железных дорогах, – улыбнулся отец.

– Так ведь все предки мои на чугулке трудились.

«„Ne serait-ce pas charmant?“», как говаривает князь Волкон...» Митя вспомнил о последней встрече со своим кумиром в Яхт-клубе и мучительно сморщился. И все равно, это не отменяет правоты князя! Вот именно что – прелестно! Царская семья – потомки Дажьбога-Солнца, в крови Дажьбожичей – наследственное право на власть, у Кровных Князей у кого в предках Велес-Змей, у кого – Стрибог-Ветер или Макошь-Хозяйка... У дворянства предки – бывшие служилые люди князей или, на худой конец, кровного боярства. И у господина путейца тоже, стало быть, предки. И в крови у них не иначе как пар. А вместо позвоночника – рельс.

– Дед еще самую первую, к Царскому Селу, дорогу строил. Отец уж старшим мастером сделался. Казенная квартира на две комнаты да жалкие тридцать пять рублей жалованья, матушке едва на прислугу хватало. Но сыновей выучили, все по железнодорожному ведомству пошли. Теперь вот Гришку моего в реальное училище определили.

– После реального не берут в университет, – напомнил отец.

– И, батенька, что тот университет? На Руси издревле все решало Кровное Родство.

– Ежели от того державе только польза...

– Аркадий Валерьянович, разве ж я против! – вскинулся путеец. – Куда б мы в нашем, путейском деле без Кровных Сварожичей да Огневичей? Смешно и думать! Но должен сказать вам, сударь мой, что и мы, простые бескровные, талантами не обижены. Взять хоть Гришку моего – прямая ему дорога семейное дело продолжать. Железная, можно сказать, дорога!

Пошутил, стало быть... Отец старательно рассмеялся. Наверное, только Митя мог заметить, что улыбка на губах отца деланая, словно приклеенная, и что отец быстро покосился на него, Митю.

«Завидуем, батюшка? Слушаем глупейшие дифирамбы дурно одетому прыщавому юнцу и завидуем? Тоже желаете, чтоб я ваше дело продолжил? Городовым или будочником, а то и дворником? Со свистком!»

– Талант у хлопца к делам механическим, любому Сварожичу впору! – Путеец воззрился на сына с такой гордостью, как если бы... если бы... того на прием к Шереметьевым пригласили, а то и к самому государю!

– Просто первый Истинный Князь за полтысячи лет. Сварожич, надо полагать, Новая Кровь... – негромко и отчетливо произнес Митя и холодно-любезно улыбнулся в ответ на устремленные на него взгляды: ошеломленно-сконфуженный – от путейца и злой – от его сына.

– Дмитрий... – процедил отец.

– Что? Я только предположил. – Митя глядел невиннейшим образом: разве он что-то плохое сказал?

– Ну... это навряд... Супруга моя – дама суровая, к ней ежели бы и сам Сварог с неприличностями сунулся, мог и костей не собрать, не в обиду Великим Предкам сказано, – с принужденным смешком ответил путеец. – Но хотите верьте, хотите нет, господа, а Гришку моего в Институт инженеров путей сообщения без экзаменов берут! Будет стараться, глядишь, кто из Кровных Сварожичей его и впрямь приметит, а там и карьера пойдет. А вы, Дмитрий, что намереваетесь делать в будущем?

– Право, не знаю, нужно ли мне беспокоиться о будущем, – лениво, как франты в салоне княгини-бабушки, протянул Митя. – Для начала мне хватит хорошего... университетского образования... и хорошего сюртука.

– Образование – это нужно, – невнятно пробормотал путеец. Кажется, он понял, что в Митиных словах есть какой-то подвох, но не мог сообразить какой.

Сынок его опять оказался понятливей – кончиками пальцев попытался натянуть короткие рукава на голые тощие запястья.

Отец смотрел на Митю мрачно, исподлобья.

«Я вам, батюшка, и без того не слишком нравлюсь. – Митя едва заметно повел плечом. – Какая разница, если стану нравиться еще меньше?»

Поезд начал замедлять ход. Только что храпевшие купчики, проснувшись как по команде, сонно затоптали к выходу.

Глава 6

Приключение на полустанке

Пожалуй, тоже выйду. Подышу. Прошу прощения, господа, – хмыкнул Митя.

Сидеть под буравящим взглядом отца было неприятно – не подследственный же он! Не торопясь надел сюртук, на миг задержался, подхватил отцовскую трость – ночь все же, издевательски поклонился и пошел прочь из вагона.

Открытые вагонные «сени» напоминали дачную веранду – деревянная крыша, толстые резные балясины. Митя облокотился о перила, задумчиво глядя на поля, разворачивающиеся под насыпью, спящую хату, мелькнувшую в темноте белеными стенами. Небо над головой совсем не походило на питерское – оно казалось огромным, угольно-темным, близким и... мохнатым от усыпавших его крупных и выпуклых, как на офицерских мундирах, звезд. Не дожидаясь, пока поезд стальной змеей подтянется к станции, неугомные купчики попрыгали с подножки и бойкой побежкой двинулись к аккуратному вокзальному зданию с башенками.

– Че-ла-эк... Шампанского! – немедленно донеслось из распахнутого окошка вокзального буфета.

Митя с отвращением передернул плечами. Перрон покрывал слой шелухи от семечек, без которых здешние обыватели, похоже, жизни не мыслили. Зато общественная ретирада¹², помеченная характерным кирпичным крестиком на фронтоне, была новенькой и на удивление чистенькой – никаких тебе ароматов. Митя поморщился все равно: сладкий воздух, нарядный вид вокзала – все оскорбляло его. Это место – пустыня, без настоящих людей и жизненного смысла, а любая капля красоты и добра не уменьшала, а лишь увеличивала Митины страдания.

Из вагона третьего класса опрометью выскочила расхристанная баба и ломанулась сквозь кусты напрямик к ретираде.

– Надо же, какой тут народишко цивилизованный.

Баба настороженно огляделась и... задрал юбку, уселась за кустами прямо у стены ретирады. В шаге от двери. Звучно зажурчала. Вскочила, одернула юбку, увидела над входом выложенный из кирпичей крестик, мгновение посомневалась... и на всякий случай размашисто перекрестилась на вокзальный нужник.

Митя сдавленно хрюкнул и, не выдержав, захохотал, уронив голову на руки.

– Что, сударь? Обсмеяли вовсе посторонних вам людей, о которых ничего не знаете, и веселитесь? – раздался звонкий от обиды голос. Слова сопровождались звяканьем.

Митя обернулся, в очередной раз окинув долгим взглядом реалиста... как его, Гришу? Вид Гриши нынче был особенно восхитителен: к слишком короткому для эдакой орясины мундирчику прибавился дорожный чайник в руках.

Видно, взгляд был выразительный: Гриша попытался спрятать чайник за спину, но спохватился и выставил его вперед, точно пистолет в поединке.

Митя задумчиво посмотрел на почти упершийся ему в грудь носик. Гриша отдернул руку с чайником и разозлился еще больше.

– Какая ж она посторонняя? Мы с этой бабой уж почти родня... хоть она об том и не знает, – протянул Митя, наблюдая, как щеки Гриши покрываются красными пятнами.

– Какая еще... баба? – зло процедил тот.

– Вон та, – любезно пояснил Митя, кивая на вылезавшую из кустов бабу.

– Не вижу в ней ничего смешного! – отрезал Гриша, явно намереваясь развивать скандал дальше.

¹² Туалет.

– А в ком видите? – заинтересовался Митя.

Его vis-a-vis¹³ открыл рот, намереваясь разразиться гневной тирадой... и тут же его торопливо захлопнул – аж звук хлопка слышен был. Только лицо еще больше налилось краснотой да в глазах застыли злые слезы. Объявить смешным самого себя и переживать Митины комментарии ему определенно не хотелось. «Все же понятливый! – почти с умилением подумал Митя. – Оказывается, чтоб по-настоящему измываться над человеком, у того должно быть хоть немного ума. Дураки к тонкому яду издевок нечувствительны».

Выходит, оскорбления от свитских в Яхт-клубе – показатель его, Мити, недожинного умища? Почему ж этого умища хватает лишь на провинциальных реалистов, а не на Кровных, а то и великих князей? И тут же фыркнул, поймав себя на подобных дурацких рассуждениях. Потому что великие князья – это... ну уж всяко не реалисты!

– Пойду кипятку для чаю наберу, – явно не зная, что еще сказать, мрачно пробурчал Гриша и шагнул к вагонной лесенке.

– Будка закрыта, – все еще погруженный в свои мысли, бросил Митя. – Ночь.

Гриша завис на лестнице, раскорячившись в неловкой позе и глядя на будку с надписью «Кубовая для кипятку». Будка и впрямь была закрыта.

– Что ж теперь делать? – Гриша зачем-то заглянул в чайник, точно рассчитывая обнаружить в нем желанный кипяток.

– Спросите кондуктора, он расстареется, – равнодушно обронил Митя, не отрывая глаз от ретирады. Наблюдая за бабой, он точно был уверен, что дверь ретирады закрыта. А сейчас она покачивалась туда-сюда... Точно изнутри ее придерживала робкая, неуверенная рука. И кажется, в проеме смутно виднелся женский силуэт.

– По нашим обстоятельствам это дорого. Экономить приходится на учебу мою, – буркнул Гриша, зло покосившись на отлично одетого ровесника. – Впрочем, навряд ли вы такое понимаете. – И с издевкой добавил: – Я насчет учебы.

Надо же, он пытается язвить.

– Я не то чтоб не понимал... – хмыкнул Митя. – Я просто совершенно не интересуюсь... обстоятельствами.

Что эта дама... девушка там делает? О, excuse-moi¹⁴, понятно, зачем она там... Митя сам почувствовал, что краснеет. Нужный чулан в вагоне был именно что чуланом: Митя и сам там едва поворачивался, а уж женщины с их юбками наверняка даже втиснуться внутрь не могли. Все равно, разве приличная дама или девица позволит, чтоб ее увидели в подобном месте?

– Простите, сударь... – Девичий голосок был тих, и нежен, и смущен, и почти беззвучен. – Я... мне нужна помощь...

– Вы слышали? – Гриша повернулся, стукнув чайником по перилам вагона.

– Умоляю, помогите! – Женский силуэт в дверях ретирады нарисовался четко, девица шагнула вперед – и разом нахлынула волна отвратного запаха.

Митя брезгливо шевельнул ноздрями: «С чего я решил, что девица – приличная? В розовом-то платье, на вокзале... В очень недешевом платье... Утреннем платье... Ночью».

– Сударыня, вы меня зовете? – Гриша шагнул ступенькой ниже, близоруко вглядываясь в словно выплывающий из двери силуэт.

– Мне так неловко... На вас вся надежда! – снова прошелестел голосок.

– Сударь... – бросил Митя и замолк, продолжая вглядываться.

– Что? – Реалист на миг оторвал взгляд от манящей его руки в белой кружевной перчатке.

– На вашем месте я бы не ходил.

– Почему? – Гриша снова повернул голову туда, к девушке.

¹³ Собеседник (фр.).

¹⁴ Прошу прощения; извините (фр.).

– Хотя бы потому... куда она вас зовет, – напомнил Митя.

– Ну сударь же! – нетерпеливо позвал капризный голосок.

– Разные бывают обстоятельства. Ну да вы ж ими не интересуетесь. – Гриша спрыгнул с лесенки и зашагал к девице, решительно погромыхая чайником.

Ноздри Мити снова дернулись... он узнал запах. Ничего общего с ретирадой тот не имел, Митя слышал его, еще когда был мал, до перевода отца в Петербург и возвращения в их жизнь матушкиного семейства.

Митя потянулся к прихваченной из вагона тяжелой отцовской трости.

Перегнулся через перила вагонных «сений».

И с глухим стуком опустил набалдашник Грише на голову.

Реалист замер, покачнулся, ноги его подломились, и он рухнул как подрубленное дерево. Чайник, дребезжа, откатился в сторону.

Тихо было на перроне, тихо – ветерок шелестел в листве да паровоз пыхтел. Гриша лежал, прижавшись щекой к земле, и вокруг головы его расплывалось кровавое пятно.

– Митька! Ты что творишь! – раздался крик отца.

Дверца вагона с грохотом отлетела в сторону. Рыча от ярости, будто у него и впрямь была примесь Древней Крови, только не Сварожьей, а Велесовой, путеец ринулся к Мите.

Ухватившись за балясину, Митя сиганул на перрон – прямо бесчувственному реалисту на спину. Вопль – пронзительный, совершенно нечеловеческий, ввинчивающийся в уши и словно вытаскивающий внутренности через них – пронесся над станцией. Шум буфетной испуганно стих. Путеец в вагонных «сениях» скорчился, безуспешно пытаясь зажать уши. В вагоне загрохотало: спящие пассажиры падали с диванов и лавок. Отчаянно, как подколотый поросенок, заверещал ребенок.

Она метнулась из мрака ретирады – сплошной ком розового шелка, летящих темных волос и болтающегося на лентах капора. В два прыжка, отталкиваясь всеми конечностями, как обезьяна, девица в розовом кинулась к окровавленному реалисту. Митя успел увидеть ее лицо – хорошенькое, юное, с ровными дугами бровей, пикантной родинкой над верхней губой. И желтыми клыками, похожими на толстых червей, лезущих из розового бутона.

Митя ударил тростью прямо в пасть. Посеребренный шар набалдашника с хрустом вломился в клыки. Девица опрокинулась на спину, моментально взвилась на четвереньки и так и застыла, покачиваясь туда-сюда, точно готовящийся к броску паук. Ее рот, теперь похожий на выжженную рану, скалился обломками зубов, а шея то раздувалась, как сытая змея, то опадала, проваливаясь, как пустая кожа.

Успевший вскочить Митя замер, ногой опираясь на спину реалиста и держа трость наготове.

– Ашшшш! – Девица пронзительно зашипела, судорожно, как рыба, открывая и закрывая обожженный серебром рот – меж клыков на перрон потекла черная, похожая на густую смолу жижа. Оттолкнулась четырьмя конечностями и снова прыгнула.

Набалдашник Митиной трости ударил твари в живот. Митя присел, подправляя прыжок, – придавленный всей тяжестью реалист издал хриплый стон – и почти перекинул тварь через себя. Кривые когти на тонких девичьих пальцах мазнули у самой головы, выдрал с мясом клочок волос. Мертвячка впечаталась спиной в борт вагона, и тот закачался; изнутри снова донеслись вопли. Растопырив руки и ноги, вниз головой – юбка завернулась, открывая панталоны с бантиками, болтающийся на лентах капор мел землю – тварь повисла на борту вагона, точно приклеенная. Чудовищно изогнулась, оттолкнулась и заскочила на крышу. И эдаким вывернутым пауком стремительно побежала по вагону.

– Ах ты ж стерва! – Глухо забухали сапоги – из вокзала, дергая рукоять служебной сабли, бежал путейский жандарм. В густых моржовых усах застряли ключья квашеной капусты. – А ну слазь! – Тряся нависающим над ремнем чревом, жандарм заскакал вдоль вагонов, пытаясь

достать тварь саблей. Кончик сабли бессмысленно скреб по вагонной крыше, но тварь замечалась. Скакнула вправо-влево, попыталась скользнуть в вагонное окно – внутри пронзительно завизжали. Заверещала сама... и снова прыгнула.

Она рухнула на спину согнувшегося от боли жандарма, оттолкнулась, вспоров мундир когтями, перемахнула на стену вокзала. Резво перебирая конечностями, побежала вверх по стене, к распахнутым окошкам вокзальных башенок. Из одного высунулась растрепанная баба – явно только проснувшаяся и сдуру выглянувшая на шум. В другом... Митя невольно дернулся. В черном квадрате окна смутно виднелись две маленькие фигурки, тесно, виском к виску, прижавшиеся друг к дружке. Видно, с испугу. Дети, чтоб их Жива любила! Самое навье лакомство!

«Жил мальчик – страшный ротозей... – неведь почему зазвучали в голове глупые детские стишки. – На крыши, облака, людей заглядывался вечно он...»

– Дети! Закройте окно! – услышал он чей-то надсадный крик... Неужели свой собственный?

– А-а! А-а! – Баба замерла в оцепенении, даже не пытаясь захлопнуть створку, и только выла пожарной сиреной, глядя на мчащуюся к ней по кирпичной кладке клыкастую, когтистую смерть.

Тварь подпрыгнула, оттолкнувшись от стены, повисла на подоконнике – пышный подол розового платья качался туда-сюда, как колокол. Когтистая лапа метнулась к завывающей бабе...

Митя схватился за манжет рубашки...

Над его плечом свистнуло... и тяжелый нож вспорол воздух. Посеребренное лезвие прошило шелк розового платья насквозь, будто под ним и не было спины. Шелк с треском распался и повис похожими на крылья розовыми лохмотьями. Кончик ножа высунулся из груди твари, как проклюнувшийся из скорлупы птенец. Болтающаяся на подоконнике мертвячка с хрустом и щелканьем скрутила шею – так что лицо поменялось местами с затылком – и распахнула пасть для нового вопля...

Второй нож вошел ей точно меж выломанными зубами, превращая убийственный крик в сдавленный сип и бульканье. Стоящий на перроне отец – не иначе как прямо из окна выпрыгнул! – вскинул третий, последний нож. И хладнокровно, как на тренировках в сыскном, швырнул его мертвячке в живот.

Нож с мягким чвяканьем вошел в плоть. Тварь отбросило назад, ее когти проскребли деревянный подоконник, оставляя на нем глубокие борозды, и она рухнула вниз, с глухим шмяканьем ударившись о землю под окном. Замерла.

Розовое платье начало стремительно выцветать, словно пропадая во мгле.

Глава 7

Сон до Хацапетовки

Плавным, кошачьим шагом отец скользнул мимо Мити. Выдернул трость у сына из рук и настороженно потыкал в скорчившуюся под стеной неопрятную кучу. Хрустнуло, тело с глухим стуком перекатилось набок, откидывая обтянутую лохмотьями высохшей кожи руку. Из-под стремительно чернеющего капора скалился старый желтый череп.

Высочивший на крыльцо буфетной купчик икнул, округлившимися глазами глядя на скелет, и в тишине вдруг громко и фальшиво пропел:

Рыжий-рыжий, конопатый, убил дидуся лопатой.

Я тому его рубав, шо дидусь мой – лотый нав!

И сунул в рот стиснутый в кулаке огурец.

– Убрать посторонних с перрона! – сквозь зубы процедил отец.

– Расходитесь, господа, нечего тут смотреть, – размазывая по щеке сочащуюся из уха кровь, заторопился жандарм.

– Да-с, навь. – Отец подобрал вывалившиеся из решетки голых ребер ножи. – Она же стервь, умертвие третьего порядка, сохраняющее слабые проблески прижизненного разума и способное к воспроизведению прежнего облика. И чего она вылезла? Могла б и отсидеться...

– Може, того... по причине прижизненного разума? Дурой была? – пробормотал жандарм. – Али оголодала в край... стерва!

– Возможно. – Отец бросил острый взгляд на Митю. – При виде крови голодная навь могла утратить осторожность. Жандарм! – От начальственного рыка станция содрогнулась не хуже, чем от визга твари, а так и торчащая в окошке простоволосая дуреха глухо ойкнула.

В окне выше детишек уж не было – спрятались, верно.

– Так точно, ваш-блаародь! – Подхлестнутый этим рыком, жандарм распрямылся как пружина и тут же исправился: – Ваше высокоблагородие!

– Все осмотреть. Рапорт – в губернскую канцелярию. Патрулирование усилить. Людей в вашем ведомстве достаточно, чтоб по одному больше не ходили.

– Будет исполнено! Побережемся, чай, живые люди, а не благотворительная столовая для всякой нежити.

Зажав трость под мышкой, отец вернулся к путейцу, поднимающему с перрона Гришу, то и дело норовящего закатить глаза и вывалиться из рук.

– Как он? – отрывисто спросил отец, заправляя ножи в спрятанные под рукавами ножны. – Неприятное происшествие. Железнодорожной жандармерии следует поставить на вид: уничтожение навов входит в их обязанности.

– Так ваше высокоблагородь! – взвыл железнодорожный жандарм. – Шо ж мы можем, когда у нас ни людёв, ни выучки! Навить на сабле, ось, серебрение вже два года не подновлялось!

– Это правда! – едва шевеля губами, пробормотал путеец. – Здесь тихо... было. Полицейские все норовили уничтожение мертвяков на земство переложить – разом с сусликовой и мостовой повинностью. Только сусликов земцы еще хуже уничтожают – сколько те урожаю жрут! Суслики... – И вдруг, словно очнувшись, схватил сына в охапку. – Гришка, ты как?

– Н-ничего, б-батюшка, – сквозь стучащие зубы выдавил реалист.

– Да ты вовсе замерз! Митя! Дмитрий Аркадьевич... Мы... воспользуемся вашим портпледом, если можно...

– Вынужден отказать, – не отрывая глаз от топчущегося вокруг костяка жандарма – трогать кости тому явственно не хотелось, – бросил Митя. – Своим пледом я предпочитаю пользоваться в одиночку.

– Но...

– Пап-па... не унижайся! – цепляясь за отца, пробормотал реалист. – Вы... вы... – Он поглядел на Митю с искренним негодованием и вдруг, поникнув, выдавил: – Вы мне жизнь спасли.

– Неуютно, правда? – Митя мельком глянул через плечо и снова вернулся к наблюдениям за жандармом – решится или нет? – Когда противный тебе человек вдруг жизнь спасает? Едва не погубленную по собственной глупости.

– Я не... – снова вспыхнул и снова поник Гриша.

– Не беспокойтесь, нам совершенно нет надобности становиться друзьями, – успокоил его Митя.

– Можете взять мой плед, – бросил отец. – Попросим господина жандарма позаботиться о чае с медом. Сладкое хорошо помогает после таких... встреч.

– Не извольте беспокоиться, ваше высокоблагородие! – Жандарм, похоже, обладал упыринным слухом. – Сей минут сообразим! – И он метнулся на станцию, оставив навий костяк валяться у стены.

Через минуту из станции выбралась давешняя простоволосая баба и, тихо причитая и всхлипывая, принялась метлой загребать кости в мешок.

Отец наконец заправил последний из посеребренных ножей под рукав.

– Почему ты сам ее не уничтожил? – разглядывая сына, точно впервые его видел, тихо и напряженно спросил он.

– И чем же? – холодно поинтересовался Митя.

– В любой моей трости всегда есть клинок, – вытаскивая сверкающее серебром тонкое лезвие на свет, напомнил отец.

– Я забыл, – равнодушно обронил Митя.

– Много же ты... забыл, – с горечью заключил отец, загоня клинок обратно в трость. – Раньше у тебя и свои ножи были. Помнишь? Маленькие... как раз по руке.

– Порядочный человек не станет выходить в свет с ножом за рукавом, как какой-нибудь апаш.

«Ну или, по крайности, не признается в таком», – подумал Митя, невольно дотрагиваясь кончиками пальцев до спрятанного под манжетой лезвия. Отнюдь уже не маленького, рука-то выросла. Пользоваться им он не собирался – нет уж, никакой охоты на тварей, в его-то положении. Просто старая привычка, от которой так сложно отказаться: без ножа за рукавом чувствуешь себя как без фрака в бальной зале.

– Хорошо хоть вовсе мальчишку погибать не оставил... порядочный человек, – хватаясь за перила вагонной лестницы, хмыкнул отец. – Хотя мог бы и без битья обойтись.

«Можно подумать, этот самый Гриша меня б послушался. Да оборись я: „Не ходи, там навь!“ – все едино б полез, назло. Ну или б она прыгнула... Не успел бы...» – мысленно прикинул Митя.

– Чтоб поезд задержали? – вслух презрительно сказал он. – Если уж нельзя вернуться в Петербург, следует хоть до имения добраться, а не торчать на этом... полустанке.

Отец не ответил, лишь спина у него дрогнула.

Глухой, каркающий смех, больше похожий на кашель, заставил Митю обернуться.

На крыше соседнего вагона сидела жуткая горбунья в лохматом плаще и неотрывно пялилась на юношу неподвижными глазищами, кажущимися огромными на туго обтянутом белой, почти прозрачной кожей изможденном лице. Похожие на ночной пожар волосы разметались по искаженным, точно выкрученным плечам.

Некоторое время они смотрели друг на друга: юноша на перроне и горбунья на крыше вагона. Потом горб на ее спине распался, оказавшись вовсе не горбом, а крыльями, и тонкий девичий силуэт прынул в небо, на миг завис на фоне луны и исчез.

– Мара! Мама, смотри, там мара пролетела! – из раскрытого окна вагона прокричал ребенок.

– Отойди от окна, противный мальчишка! – завопил в ответ истеричный женский голос. – Не смотри на нее! Мунечка, мой Мунечка! Он же не умрет? Скажите мне правду, умоляю, Мунечка не умрет, раз он увидел мару?

– Я не хочу умирааааать! Я больше не будуууу! – сквозь окно немедленно донесся истерический рев и раздраженный мужской голос:

– Ничего с тобой не будет! Смертвестницы все черные, а эта – рыжая!

– Убирайся! Нет тебе тут поживы! Моего сына не получишь! – Мелькнувший в окне путеец погрозил вслед улетевшей маре кулаком.

– Он и впрямь думает, что его сын кому-то нужен? – процедил Митя.

Пальцы его мелко подрагивали: обошлось. В этот раз тоже обошлось. Удержался. Сумел. Мара улетела ни с чем.

Он рывком забросил себя в вагон, быстро прошел мимо соседей-купцов, так и норовивших поймать его за полу и учинить подробные расспросы. Закутанный в отцовский плед Гриша нервно постанывал во сне. Путеец сидел у сына в ногах и, кажется, собирался просидеть так всю ночь.

«Истинный пример отцовской любви!» – Митя накинул свой плед на плечи, рухнул на диван и второй раз за нынешнюю ночь принялся соскальзывать в сон, вслушиваясь в рокот отходящего поезда. Где будет спать отец, его не волновало. Совершенно!

Ему показалось, что он не проспал и минуты, когда рывок вагона чуть не сбросил его с дивана.

– Что опять случилось? – донесся раздраженный голос отца. – Снова навы или мары?

– Неее! – раздался в ответ хриплый бас купчика. – Хацапетовка!

– Это что, нежить хуже нава? – растирая лицо ладонями, пробормотал Митя: дадут ему поспать нынешней ночью?

– Ну вы, паныч, и шутник! – расхохотался в ответ купчик. – Станция это! Поезд дальше не идет!

– Почему? – растерянно спросил Митя.

– Так рельсов нема!

В «семейной» части вагона деловито сворачивали занавеси. Худосочная гувернантка повела по проходу помещичьих детишек, похожих на выводок деловитых ежат. Малыш лет пяти в матросочке и широкополой шляпе, не иначе как тот самый Мунечка, на правах пострадавшего от мары ехал у гувернантки на руках, согнав оттуда четырехлетнего брата. Тот особые права Мунечки признавать не хотел, дергал гувернантку за платье и монотонно, на одной ноте, ревел. Изображающий умирающего Мунечка время от времени приоткрывал один глаз и торжествующе глядел на брата сверху вниз. Следом, нервно обмахиваясь платочком, следовала их матушка. Последней семенила нагруженная багажом горничная, походя бросившая на отца, а потом и на Митю жгучий от любопытства взгляд.

Отец с Митей растерянно оглядели вагон – они остались одни. Попытались переглянуться... и тут же торопливо отвернулись. Отец, сгребя в охапку дорожный саквояж и портплед, ринулся к выходу. Митя мгновение поколебался... но гордо оставаться в пустом вагоне было уж вовсе глупо. Подхватил вещи и, стараясь ни в коем случае не бежать, направился следом.

– Ну где же вы, Аркадий Валерьянович? – встретил их на перроне нетерпеливый путеец.

– Что происходит, Александр Васильевич? Что значит – поезд дальше не идет? У нас билеты до Екатеринослава!

– Вы, Аркадий Валерьянович, будто и не у нас в империи живете! Это в Петербурге на Екатерининскую чугунку уж билеты продают, а в Екатеринославской губернии ее еще построить надобно. Годика за два.

– Но как же... Вот так нахально? – даже растерялся отец.

– И-и, батенька, приписки-с! От подрядчиков до артельных: все хотят денежку малую поиметь. Я уж не говорю про тех, кто принимает строительство на самом верху! – Путеец многозначительно ткнул пальцем в небеса, словно предлагая поискать главных виновников именно там. – А еще археология проклятая...

– Вы меня вовсе озадачили, Александр Васильевич. Археология-то при чем?

– Ну как же, при строительстве то захоронение какое откроется, то и вовсе городище! Так-то места здешние тихие, никаких бродячих мертвяков или иных беспокойников. Но как чугунку тянуть начали, древности стали находить несусветные! Сами понимаете... – он понизил голос, – какую бучу поднимут Кровные, если мы Велесов камень или Макошин алтарь под насыпь закатаем. А ведь бывает, от скифов чего найдешь или киммерийцев: от такого и вовсе не знаешь, чего ожидать, изучить да обезопасить надо. С обычной мелкой нечистью здешние полицейские справляются, а вот что с находками делать, в полиции знатоков нет. Археологическая комиссия тоже: ни мычит ни телится. Одесское общество истории и древностей еще работает, да у нас энтузиасты имеются, а от Петербурга толку не добьешься. У меня все это в докладе: и про беспокойников, и про недоплату рабочим, про эпидемии от грязи да скученности. Доложу губернатору, а тот, глядишь, и до Петербурга доведет...

– Если дороги нет, как же добираются? – вернулся к насущной теме отец.

Шумное помещичье семейство грузилось в подъехавший к перрону шарабан – звонко разносились детские крики и урезонивающий голос гувернантки.

– Так местные же все, вот и знают! Кто пешком дойдет, а кто заранее телеграфировал, чтоб коляску прислали.

Митя зло усмехнулся: а чего вы ожидали, дорогой отец? Что тут, как в Петербурге, на каждом углу извозчик?

– Не волнуйтесь, спасителям сына помогу чем смогу! Вы здесь подождите, а я договориться попробую: нам, путейцам, земским чиновникам да еще полиции крестьяне телеги давать обязаны.

Инженер энергично двинулся в обход станции, к домишкам деревни. Гриша заторопился следом.

– На телеге не поеду! – процедил Митя.

Это даже не езда во втором классе, это... вовсе нечто несообразное.

– Думаешь, тут найдется что-нибудь, кроме телег? – Отец задумчиво пристукнул кончиком трости по запылившемуся сапогу. – Ступай пока на станцию, а я разберусь с багажом. – И он быстрым шагом направился в сторону багажного вагона.

Митя возмущенно фыркнул: он не городской, чтоб ему приказы раздавать! Постоял еще на перроне, передернул плечами и нога за ногу поплелся на станцию.

Небольшое помещение было новехоньким и оглушающе пустым: лишь сам Митя да деваха в ситцевой кофте и сползшем платке, дремлющая за буфетной стойкой у погасшего самовара. Митя бросил саквояж на лавку, присел, вскочил, прошелся туда-сюда. Теперь, когда они застряли, ему впервые захотелось добраться до места. В конце концов, у многих светских людей есть имения – оттуда получали деньги на летнюю поездку в Ниццу или ругали шельму-управляющего, ежели денег присылал мало, и ехали в Крым. Некоторые даже ездили летом в само имение – в основном по приказанию старших, но ведь ездили, он сам слышал, как млад-

ший князь Волконский жаловался. Но вряд ли им приходилось при поездке переживать такие муки!

Митя втянул носом отчетливый запах дешевой махорки. Так и сорочка пропахнет! Подхватив саквояж, он выбрался на свежий воздух, чтобы... тут же торопливо метнуться в тень.

– Вы уверены, любезнейший, что вас послали за нами?

Путеец обнаружился на немощенной площади по другую сторону станции. Ни единого фонаря, кроме слабо мерцающего над входом, не было, и коляска, возле которой переминались путеец с сынком, терялась во мраке. Лишь слышно было, как фыркает лошадь да негромко басит кучер:

– Не извольте сумлеваться, ваш-высокоблаародие! Я вас сразу признал – и вас, и сынка вашего, все как велено.

Митя поморщился: это его отец – высокоблагородие, а инженер – всего лишь титулярный, должен простым благородием обходиться. Но услуга всегда льстит в надежде получить на чай.

– Видишь, твоего отца все же ценят в конторе! Не иначе как сообразили, что на перекладных мы нес скоро доберемся. – Путеец забросил саквояж в коляску. – Гриша, зови наших попутчиков, и поедем.

– Не говорили-то, что еще ездоки будут! – неожиданно вмешался кучер.

– Не волнуйтесь, любезный, как-нибудь поместимся, – холодно оборвал его путеец. – Поторопись, Гриша!

Тот нехотя поплелся к вокзалу – совсем как только что Митя. Хотя нет, вовсе не похоже – ни осанки, ни умения держать себя. Но в одном они с Гришей сходятся – ехать вместе не хотелось. Трястись по степи, лоя на себе Гришины мрачные взгляды? Увольте.

Не слишком задумываясь, как они станут выбираться с полустанка, – придумается что-нибудь! – Митя отступил глубже в тень. Гриша прошаркал совсем рядом. В окно станции было видно, как он оглядел помещение, выглянул на перрон, сунулся с вопросом к спящей у самовара девахе – та что-то сонно пробормотала в ответ и снова ткнулась носом в стойку.

Гриша почти бегом кинулся обратно.

– Говорят, уехали! – Гриша снова пронесся мимо прячущегося Мити.

– Как же так! – растерялся путеец. – Я ж им обещал!

– Так они сами справились! Может, удачная оказия подвернулась.

– Ваш-высокоблаародие, лошадка уж застоялась, с утра вас дождаемся, – вмешался враз повеселевший кучер. – Еще кого взять – тяжеленько ей будет, не молоденькая она у меня.

– Ну коли так... А, поехали!

Путеец заскочил в коляску, следом полез Гриша.

Кучер щелкнул кнутом, лошадь дернула – и, описав круг по площади, коляска скрылась в одном из проулков.

Глава 8

Железный пароконь

– Митя, где ты? – позвал встревоженный голос, и отец выскочил на ступеньки.

– Здесь! – Митя выступил из тьмы.

– Зачем ты тут... А, неважно! Нам бы Александра Васильевича с сыном найти...

– Они уехали, – радостно сообщил Митя, на всякий случай прислушиваясь, не доносится ли еще из проулка цокот копыт. – Я видел... из окна видел: сели в коляску и укатили. Даже не оглянулись!

– Обещались помочь... – неприязненно пробормотал отец. – Впрочем, Бог с ними. Все едино взять с собой мы бы их не смогли. Идем со мной, Митя, скорее!

Заинтригованный Митя невольно сделал шаг следом за отцом, а когда опомнился, изображать гордую неприступность было уже поздно, приходилось спешить за мелькающей во мраке отцовской спиной. Они снова выскочили на перрон, торопливо проследовали мимо состава к багажному вагону, у которого нынче было светло илюдно – изнутри при свете фонарей выгружали ящики.

– Вот эти два! – скомандовал отец, указывая на два совершенно одинаковых ящика. – Остальное, как договаривались, поместить на хранение. Под вашу ответственность! – бросил он переминающемуся рядом жандарму. Звякнули деньги.

– Не хвляйтесь, ваше высокоблагородие, все будет навить краше, ніж треба! – крепкий мужичок поддел ломиком упаковочные доски.

А отца могли бы и высокозородием звать, до этого титулования всего один чин остался! Или отец ему мало заплатил?

– Отсюда напрямик к имению проехать можно. – Отец сунул Мите под нос сложенную второе карту. – К утру будем...

– И на чем же мы напрямик да еще с такой скоростью... – старательно маскируя насмешку под почтительность, начал Митя и осекся.

Упаковка обоих ящиков кракнула, отлетела одна доска, вторая, на перрон посыпались опилки... и блеснул металл. При свете фонаря Митя увидел торчащую из опилок стальную подкову.

– Это... что? – Он облизнул враз пересохшие губы.

– Я подумал... – Отец в явном смущении набалдашником трости сдвинул шляпу на затылок. – Возможно, я не совсем справедлив к тебе. Это для меня здесь любимое дело и будущая карьера, а для тебя только потеря хорошего образования, и родня далеко, и с развлечениями негусто. Так что вот...

– Куды воду лить, пане? – хлюпя полным ведром, от вокзала прибежал еще один мужик.

– А вот сюда и заливай! – указал внутрь полураспакованного ящика отец и сам, присев рядом, принялся поворачивать что-то...

Лязгнуло. Громкое бульканье воды сменилось шипением. Над ящиком взвилась отчетливо видимая в темноте струйка пара. Отец отскочил в сторону, мужик с ведром шарахнулся так, что едва не свалился под колеса багажного вагона. Затрещало, доски отходили, выпуская острые зубья гвоздей, и наконец одна доска отлетела с такой силой, что перепуганный мужик упал наземь, пропуская ее над собой. Хрястнуло снова... Ящик осыпался, а над перроном восстал ОН!

– Пароконь! – зачарованно прошептал Митя. – «Руссо-Балт»!

– Лошадиная сила! – восторженно присвистнул мужик, поднимая фонарь повыше, так что свет заиграл на могучей груди вороненой стали.

Митя не мог даже дышать! Пароконь стоял перед ним: огромный, могучий! Точеная голова с намеченной художественной ковкой гривой слегка наклонена, обвитые мышцами пружин и передач ноги едва слышно пощелкивают, золотом переливается эмблема с двуглавым орлом и надписью по кругу: «Русско-Балтійскій вагонный заводъ. Отдѣль автоматонвъ».

– Я подумал, в губернии пригодятся, расстояния-то не маленькие: мне ездить, ну и тебе, чтоб не скучал, – продолжал бормотать отец.

Митя обернулся и увидел второго пароконя, почти такого же, только темно-серого, с высеребрёнными коваными накладками гривы и копыт, и снова прикипел взглядом к своему вороненому.

– Сможешь теперь смириться со ссылкой? – рассмеялся отец. – Не будешь за билет второго класса злиться? Уж прости, расход с этими конями вышел преизрядный.

У Мити перехватило в горле. Сварог, да такого пароконя даже в конюшнях Кровной Знати нет! Хотя есть, конечно... но не все ли равно! Он поднес дрожащую ладонь к сплетению рун на металлическом крупе пароконя. Наследие варяжских предков, вернувшее свое значение в нынешнюю эпоху пара и стали, не подвело – от тепла ладони легкая искра побежала по прорезанным в металле дорожкам... сквозь сложный и непонятный непосвященным рунический слабо блеснула огненная Кано, и паровой котел под стальным крупом едва слышно запыхтел. Из ноздрей пароконя ударили две тугие струи пара, а лампы в глазницах замерцали.

Коснувшись сапогом намеченной на боку коня стальной ступеньки, Митя вскочил в седло. Ноги провалились внутрь, под ступнями оказались упрятанные в широкой груди автомата педали, обтянутое кожей сиденье было теплым от греющегося парового котла. Митя схватился за рычаги на пароконской шее...

– В ящике погляди! – Отец, уже по пояс в седле своего автомата, натянул защитный шлем и круглые очки-гоглы.

Митя сунул руку поглубже в конскую грудь и вытянул такой же шлем и гоглы.

– Что возишься? Догоняй! – со смехом крикнул отец и вдавил педаль.

Серый пароконь согнул одну ногу, вторую, выпуская пар из сочленений суставов. Его глаза завертелись в глазницах, шаря по перрону конусами яркого света. Мужики заорали – то ли испуганно, то ли восторженно, и окутанный облаком горячего пара автоматон соскочил с перрона и ударился в drobный, стремительный галоп.

Митя рванул рычаг и бросил своего пароскакуна вдогон.

Южная, пахнувшая разогретой травой и пылью ночь кинулась навстречу. Конусы света из глаз пароконя выхватывали из мрака беленые стены и пышные кусты за заборами. Грохот стальных копыт разрубил тишину спящей деревеньки, и враз обезумевшие дворовые псы заматались на цепях, и заорали что-то их проснувшиеся хозяева, замелькали в окнах огоньки свечей, и мужик, с портками в одной руке и ружьем в другой, даже успел выскочить на порог. Окутанные паром стальные чудовища пронесли мимо него и исчезли за околицей.

Митя сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул, отправляя этот разбойничий по свист из мрака как последний привет разбуженной Хацапетовке.

Митя потянул рубильник и пошел на обгон. Проселочная дорога застонала под пароконскими копытами, клубы пыли смешались с клубами пара и осели на безупречном дорожном сюртуке, но сейчас Мите было все равно. Седло мелко вибрировало, но плавный ход поршневых ног позволял пароконю стлаться над дорогой – и скорость, скорость! Его вороненый обошел отцовского серого на полголовы, на голову – и вот уже Митя вырвался вперед, летя безудержным вихрем пара и стали по пыльному проселку. Митя запрокинул голову и заорал, швыряя свой восторженный крик в отчаянно пытающуюся угнаться за ними луну.

– Сюда! – разорванный ветром в клочья окрик был едва слышен.

Митя рванул поворотник. Механический конь накренился, почти ложась на бок и волоча за собой шлейф пара, – слышно было, как гудят поршни ног. Серым призраком в завитках пара отцовский скакун уходил наискось, по бездорожью.

– Все равно не уйдешь! – азартно выкрикнул Митя, снова бросаясь в погоню.

С лязгом столкнувшись боками коней, они пролетели насквозь рощицу и поскакали над речушкой. В темной воде отражалось стремительно несущееся вдоль берега облако пара, пронизанное лучами света и блеском металла. Вода вспенилась под копытами. Ноздря в ноздю парокони перемахнули речушку и вылетели на пологий берег. Взметнулись на холм, вниз, снова вверх... Грохочущие копытами автоматы горячим вихрем пронеслись по когда-то наезженной, а сейчас заросшей подъездной дороге и взвились на дыбы перед словно кинувшейся навстречу оградой.

Митя рванул рычаг, пароконь опустился на передние копыта – гибкие пружинные суставы мягко подогнулись, принимая на себя вес стальной махины. Автоматон встал, окутавшись паром по брюхо и упираясь мордой в ворота. Меж коваными завитушками причудливой монограммы жалобно, как протянутые за подаванием ладошки арестантов, торчали ветки растущих за воротами деревьев.

Отец сдвинул гоглы и вытер мокрое от пота лицо:

– Вот это наш новый... наше новое имущество и есть. Как говорится, добро пожаловать.

Митя скептически хмыкнул: в свете лошадиных глаз был отлично виден красующийся на воротах заржавленный замок.

– Я отбивал телеграмму, что приедем. Наверное, нас сперва в Екатеринославе ждали...

– Если вы, батюшка, соизволили сообщить в телеграмме о своей новой должности, может, и ждали.

Отец едва заметно поджал губы: наверное, после подарка... нет, после их безумной скачки ожидал другого обращения. И напрасно. Недостойно светского человека и дворянина продаваться за пароконя... Хотя Митя подозревал, что тот же ротмистр Николаев за пароконя продан бы легко и даже с восторгом. Ну и... он просто не умел говорить с отцом по-другому!

– Не сообщал. Думал в отпуску освоиться в имении, а потом уж вступать в должность.

– Телеграмму от неизвестного помещика господина канцеляристы просто похоронили под грудой дел, – заключил Митя.

Кто бы тут ни жил ранее, ограду он ставил на совесть, в зазор между пиками протиснулась бы разве что кошка. Лезть поверху Мите откровенно не хотелось: сразу виделось, как ржавые наверхья рвут ему штаны и он валится на ту сторону, сверкая голым задом! Мало того что дорожные брюки от «Андре» было безумно жаль, так еще увидит кто... Это если ты элегантен и в седле пароконя – так никого, а если в драных штанах и на заборе – сразу невесть откуда толпа народу!

– Отъедь-ка...

Отец дернул рычаги, его пароконь поджал ногу и долбанул копытом в замок. Ворота жалобно крякнули, а замок отвалился вместе со скобами. Отец потянул створку, направляя коня внутрь, и недоуменно обернулся. Ворота заперты, замок заржавлен... а створки ходят бесшумно, словно их заботливо смазывают.

– Кто тут жил?

– Выморочное имущество. – Отец настороженно огляделся, словно ожидая увидеть того, кто смазал петли. – Последний владелец умер, успев наделать долгов. Имение отошло казне, хотели на аукцион выставлять, а тут...

«Подвернулся отец-правдолюбец, которого надо было и вознаградить, и услать подальше», – мысленно закончил Митя.

Глава 9

Механический пес

За поросшей сорняками клумбой, темен и безмолвен, громоздился помещичий дом. Замка на дубовых дверях не было, но сами двери не открывались, точно были заложены изнутри. Окна длинного приземистого здания закрывали глухие ставни.

– Там ставня неплотно прилегает! – обрадовался Митя.

Мысль, что внутри, как сокровище в башне сказочного колдуна, таится кровать, заставляла позабыть о приличиях. Он выудил отвертку из ящика пароконя и всадил ее под край ставни. Кракнуло, откололась длинная влажная щепка, и... вся ставня с грохотом вывалилась наружу, открывая раму с выбитым стеклом.

– Я влезу и открою изнутри.

Фонарями глаз пароконя Митя осветил комнату: только обломки да мусор на полу. Ухватился за подоконник. Просунулся внутрь до половины, навалившись животом на край обветшалой рамы...

Узкая, длинная, словно у огромной крысы, морда высунулась из-под подоконника, и у самого лица Мити лязгнули стальные зубы. Он успел отпрянуть и с воплем полетел вниз, под копыта своего пароконя. С размаху ударился спиной об землю и взвыл от боли.

Узкая морда высунулась из окна, глаза полыхнули, как две свечи, и тут же погасли – тварь с металлическим скрежетом выпала следом. Прямиком на Митю.

Митя кувыркнулся в сторону. Напавшее на него существо принялось с лязгом подбирать лапы... и окуталось паром. Стоящий на четвереньках Митя даже замер, с некоторой растерянностью глядя на старого, да что там – даже дряхлого паропса. Образец десяти-, если не пятнадцатилетней давности и на пса-то походил весьма условно: больше на приземистую крысупереростка с крокодилскими челюстями, вконец разболтанными винтами суставов и явно перегревающимся котлом – пар валит не только у него из ноздрей, но и из-под хвоста. Спинной панели у пса не было вовсе, и было видно, как внутри, заедая и цепляясь друг за друга, крутятся шестеренки. Однако пес не только двигался, но и явно был настроен на охрану!

Пес прыгнул – стремительно, как и не ждешь от такой развалины. Митя нырнул меж копытами своего пароконя. Пес кинулся следом – лязгая, вихляясь и чудом не спотыкаясь о собственные лапы. Митя успел откатиться.

«Конец сюртуку. И брюкам тоже!»

Очнувшийся отец свесился из седла и с размаху ударил пса тростью, норовя перебить один из механических суставов. Паропес развернулся неожиданно прытко, взрывая землю острыми когтями... Щелк! С лязгом медвежьего капкана железные челюсти сомкнулись на трости, дерево хрупнуло... и пес застыл, безуспешно пытаясь прогрызть спрятанный внутри клинок.

Митя метнулся к торчащему из спины паропса рубильнику. Ладонь сомкнулась на давно оставшейся без обмотки металлической рукоятке... и юноша с воплем отскочил, тряся рукой.

– Да он раскаленный! Еще взорвется сейчас!

Отец громко выругался, рванул трость из пасти пса. Тот отпустил неожиданно легко и снова развернулся к Мите, видно, среагировав на голос. И без того сбитый набок хвост паропса отвалился и глухо стукнул об землю, пар хлынул сплошным потоком, но пес упорно ковылял к Мите. Тот метнулся в сторону, отгородившись от атакующей его развалины пароконем, но пес нырнул автоматону под брюхо. Крокодильи челюсти принялись рывками открываться...

– Железяка блохастая, краску поцарапаешь! – взвыл Митя, когда верхняя челюсть пса врезалась пароконю в брюхо.

На краткий миг пес замер, точно осознавая оскорбление. Потом глаза его полыхнули, сквозь ошеренные зубы ударила струя пара, разболтанная обшивка задребезжала, и пес ринулся к юноше. Митя услышал пронзительный, почти девчоночий визг и зверский треск... и понял, что визжит он сам, прыжком с места взмывая на спину своего пароконя, а трещат брюки. Окончательно свихнувшийся паропес с разбегу врезался коню в круп и рухнул на землю, потеряв сразу две лапы, но все еще пытаясь впиться автоматону в ногу.

Передние копыта отцовского пароконя опустили псу на голову. Железо заскрежетало, сминаясь, и с треском лопнуло. Во все стороны брызнули ржавые шестеренки. Уцелевшая нижняя челюсть пару раз судорожно дернулась, прыгая в траве, и из обезглавленного металлического тела ударила струя пара.

Отец снова вскинул пароконя на дыбы. Стальные передние копыта врезались в окно, с одного удара вышибив раму. Треск сломанного дерева, грохот осыпавшегося стекла – рама провалилась внутрь. Отец прямо из седла запрыгнул в опустевший оконный проем.

– Нечего за модой гоняться и такие узкие штаны носить! – буркнул он и спрыгнул с подоконника внутрь.

– Носи я казачьи шаровары с лампасами, все б у нас было просто прекрасно! – саркастически процедил Митя.

Темнота внутри помещичьего дома взорвалась движением.

«А говорили – заброшенное имение!» – успел подумать Митя, перемахивая через подоконник. То появляясь в конусах света из глаз пароконей, то снова пропадая во мраке, посреди гостиной кружили двое – отец и кудлатый мужик в одной рубахе и без порток. Они держались за руки, как в кадрили: мужик вцепился в отцовскую руку с тростью, а отец перехватил руку мужика с охотничьим ружьем.

– Видпусти! – прохрипел мужик. – Я... тэбэ... зараз... вбью!

«Он думает, это звучит воодушевляюще?» – Мите казалось, что время расслаивается на два потока: в одном была эта мысль, ползущая медленно-медленно... а в другом руки, отчаянно шарящие среди мусора на полу.

– Я владелец этого дома! – дергая ружье на себя, гаркнул отец.

Мужик скривился и рванул ружье обратно:

– Хозяева уси померлы!

– Я новый хозяин! – опять дергая ружье, прохрипел отец.

– Бачили мы таких хозяев, ворюга поганый!

Мужик с маху попытался ударить отца лбом. Тот шархнул в сторону, но рука его соскользнула с ружья, пальцы схватили воздух. Мужик азартно заорал, выпуская отцовскую трость и хватаясь за ружье обеими руками...

Митя выхватил из мусора отломанную ножку стола и уже привычным движением опустил мужику на голову. Мужик сдавленно хрюкнул, и оба ствола ружья с грохотом выпалили в потолок. Бзанг! Укутанная в два слоя – один раз тканью, а второй – паутиной, люстра рухнула между сражающимися. Колени мужика подогнулись, и он свалился как подрубленный, звучно стукнув лбом об пол.

– Что так долго? – Отец с хрипом перевел дух и попытался одернуть сбившийся чуть не до подмышек жилет.

– Я подумал: вдруг ты его уговоришь. – Митя прислонился к стене, продолжая нервно сжимать ножку стола. Его собственные ноги ощутимо подрагивали.

«Если я его убил, отец меня арестует? – Мысли двигались тяжело, словно каждой приходилось взбираться в гору. – Запрет в каком-нибудь чулане...»

– Найди какой-нибудь чулан с замком, – щупая пульс у мужика на шее, велел отец.

Митя поглядел на него возмущенно – еще самому искать?

– Должны же мы его где-то запереть! – рассердился отец. – Или ты сможешь спать, пока этот... неподкупный страж разгуливает на свободе?

– Спать...

Митя наконец сумел отлепиться от стены. Пошатываясь, побрел по темному коридору, толкая одну дверь за другой. За дверьми обнаруживался то буфет, правда совершенно пустой, то похожий на древнее чудовище рояль под покрывалом. Наконец у самой кухни одна дверь не распахнулась от толчка. Митя с усилием оттянул закрывающий ее тяжелый засов: внутри оказались длинные пустые полки кладовой. Лишь на одной сиротливо притулились коврига хлеба и завернутый в тряпицу шмат сала – не иначе как запасы самого сторожа. Митя устало кивнул сам себе и побрел обратно к отцу.

Они волоком протащили сторожа по коридору: в свете глаз заглядывающих в окна пароконей Митя с отцом казались прячущими труп татями, но уж никак не законными хозяевами имения. Мужика не забросили, а скорее затолкали в чулан, как запихивают старый комод. Отец с усилием задвинул засов.

В глубинах погруженного во мрак разоренного дома быстро и воровато протоптали маленькие лапки. То ли мыши, а то ли... вовсе не мыши.

– С меня довольно! – Голос отца прокатился по давно привыкшим к молчанию коридорам, и тишина дрогнула, точно испуганно вслушиваясь. – Семейных призраков, портретных выходцев, домовых... – многозначительно повысил голос отец, – и прочих заинтересованных лиц, как гражданских, так и потусторонних, убедительно прошу до утра не тревожить. Иначе... сожгу тут все. – От звучащей в этих словах угрозы дохнуло холодом даже на Митю.

Тишина... да, ошибиться было невозможно, тишина притихла. И затаилась.

– Надо пароконей в конюшню... – устало начал отец и тут же оборвал сам себя: – Нет. Прямо сюда, в комнаты. Здесь уже хуже не станет, а из конюшни они к утру... испарятся.

Митя кивнул и побрел обратно в гостиную, борясь с желанием лечь на пол и свернуться калачиком. Осовело похлопал глазами на заглядывающие в окно железные морды – мысль, как перетащить пароконей через подоконник, тяжело перекатывалась в усталом мозгу. Наконец он встряхнулся и, в который раз уже перебравшись через подоконник сам, повел скакунов к двери. Створки парадных дверей глухо бухали – за ними уже возился отец, снимая многочисленные замки.

Старый паркет пронзительно затрещал под стальными копытами.

– А сейчас – в кровать! – скомандовал отец, заводя пароконей в громадную, как и все здесь, гулко-пустую залу, служившую прежним хозяевам то ли для парадных обедов, то ли для скромных деревенских балов.

Кроватей в имении так и не нашлось – ни одной.

Глава 10

Вор собственного имени

Солнечный лучик теплой лапкой погладил лоб. Посветил в глаза – горячая краснота под веками заставила только прикрыть лицо локтем. Тогда нахальный лучик заполз в нос.

– Ааапчхи! – Митя содрогнулся всем телом.

«Бууунг!» – ответил под ним старый рояль.

– О Боже! – не открывая глаз, Митя попытался нырнуть обратно в сон.

Бамс!

«Бууунг!» – на стук затылком об крышку рояль отозвался снова.

Митя глухо застонал и глаза все же открыл, уставившись в высокий, некогда белый, а теперь серый от пыли потолок с узорной лепниной. Он лежал на рояле, отчаянно болели спина и бока, и... испытывал совершенное довольство человека, чьи мрачные ожидания полностью сбылись. В этой провинции жить попросту невозможно! Митя еще полежал, разглядывая заржавленный крюк, торчащий из лепного плафона в потолке. Каких же размеров была сама люстра и где она висит теперь? Ломота в лопатках стала вовсе невыносима, пропотевшее за долгую дорогу и тяжкую ночь тело чесалось, так что он сбросил сюртук, которым укрывался, и сполз с рояля.

Темная груда на составленных в ряд стульях зашевелилась, и отец тоже сел, уронив сюртук на захламленный пол. От каждого его движения с облезлой обивки стульев поднималась пыль и сыпалась побелка. Нагибаясь и потягиваясь, чтоб размять стонущие мышцы, Митя только порадовался, что сам выбрал рояль.

– Надеюсь, хотя бы водопровод здесь работает.

– Да колодец-то еще поди поломай.

Отец сполз со стульев.

– Ко... колодец? – начавший приседать Митя так и застыл на полусогнутых ногах и с вытянутыми вперед руками.

– Не ожидал же ты и впрямь найти здесь водопровод? – ехидно хмыкнул отец. – В имении, да еще заброшенном?

– У Белозерских есть, – мрачно буркнул Митя. Бабушкино имение на Волге – единственное, где ему случалось бывать.

– Раньше, небось, ведра прислуга таскала. От колодца. Должен быть там, – прикинул отец и, не затрудняя себя походом к дверям, просто вылез в освобожденное от глухих ставен и тоже разбитое окно.

– Дикари... Совершеннейшие дикари... Со слугами. А мы – еще и без слуг. – Митя оглядел собственные подштанники, почти всерьез задаваясь вопросом, станут ли они грязнее, если уйти пешком в Петербург.

Из распахнутого окна донесся отчетливый звон колодезной цепи и плеск воды. Митя тяжело вздохнул – что приходится терпеть! – откопал в саквояже зубную щетку, порошок и полотенце и тоже полез в окно.

Он торчал из окна как раз наполовину, когда в физиономию ему полетела выплеснутая из ведра вода.

– Папа! – захлебнувшись от неожиданности, будто в стремнину попал, заорал Митя.

Коварно притаившийся под стеной отец, гремя ведром, кинулся удирать.

– Детство какое! – вытирая лицо, неодобрительно проворчал Митя. – Будто это ему пятнадцать, а не мне!

Сохраняя солидность, Митя выбрался из окна. Чопорно поджав губы, оглядел уже наполненную отцом бадью, брезгливо, двумя пальцами, подхватил второе ведро, зачерпнул... и с размаху выплеснул на подкрадывающегося отца.

– Аглуп! – Отец замер, как суслик, выхваченный из мрака светом пароконских глаз. – Какое коварство! Стоишь тут с видом альвийского лорда перед человеческим нужником, а сам! Ну сейчас я тебя... – Он попытался прорваться к бадье.

Митя прыжком махнул через бадью, подхватил из травы дырявый ковш и встретил отца целым водным залпом. И было нечестно со стороны отца все-таки прорваться, окунуть ведро в воду, несмотря на все попытки отнять его, и вылить сыну на голову. Крайне дурной тон: сперва заманил Бог весть куда, теперь еще и обливается.

– Ну во-от... опять надулся! – протянул отец, глядя вслед нахохленному, как мокрый воробей, сыну.

Хотелось ответить, что он вовсе и не сдувался, но уж больно глупо звучало. Поэтому Митя просто забрался обратно (может, двери заколотить за ненадобностью?) и, не оборачиваясь на запрыгнувшего следом отца, принялся разыскивать в саквояже сменную пару белья. Он даже успел натянуть чистые подштанники...

Входные двери грохнули, точно в них ударили тараном. Засов вылетел, со звоном ударился об пол. Двери распахнулись, с размаху врезавшись в стены. По коридору затопотало множество ног...

– Ось воны, ворюги! – завопил ворвавшийся в залу кудлатый мужик. – Зовсим знахабнилы, по панскому дому голяка вештаются!

Следом за ним, грохоча сапогами, вломила... толпа. Зверообразные мужики с палками кинулись к отцу. Впереди мчался мужичонка посубтильней, зато с шашкой наголо.

– Стоять! – Голос отца, вроде негромкий, перекрыл и хриплое от азарта дыхание, и топот.

Разогнавшиеся налетчики немедленно остановились. В первую очередь тот, с шашкой, уже вскинувший ее над головой отца. Ну а как не остановиться, от такого-то непререкаемого приказа, да эдаким командным тоном, да еще паробеллум, упершийся в грудь налетчика с шашкой, тоже... способствует. Может, и поболее командного голоса. Точно поболее.

Мужик с шашкой замер, аж покачиваясь на носочках, как неловко выставленный портняжный манекен. Медленно опустил взгляд, будто желая убедиться, и впрямь ли паробеллум глядит ему в грудь. Рука его заметно задрожала, и поднятая шашка слегка стукнула своего владельца по голове, вызвав еще большую дрожь.

– Ну чога встав, мов укопаний? Руби его! – завопил оттертый к стене кудлатый.

И только теперь Митя сообразил, что это их запертый в чулане пленник! То есть не запертый уже, выходит...

– Заткнись, Юхимка! – не отрывая глаз от паробеллума, процедил мужик с шашкой. – А ну как стрелит?

– Да не стрелит он, морда бандитская, забоится! – приплясывая от нетерпения, выкрикнул кудлатый сторож.

– Якщо морда-то бандитская, чога б ему и не стрельнуть? – рассудительно предположил мужик с палкой.

Их оказалось не толпа, а всего-то двое.

– Гнат Гнатыч! Бандюги-то вооруженные! – Юхимка завопил, как обиженный ребенок, вызывающий на помощь родителя.

– Кинь пистоль, бисов сын! – В залу тяжеломерно, как носорог, ворвался полицейский урядник. От его рыка загудели струны в недрах старого рояля, мужики с палками присели, а отцов пленник снова стукнул себя шашкой по голове. На отца рык впечатления не произвел, что явно обозлило урядника. – На каторгу захотел, ворюга? Кидай, кому сказано!

– Что вы делаете в моем доме, милейший? – очень холодно, очень веско, очень раздельно поинтересовался отец.

– Как ррразговариваешь, мерррзавец? – Побагровевший от ярости урядник принялся лапать кобуру на поясе.

– От и мне такую байку рассказывал: та я ж, звычайно, не слухав! Так они давай вдвоем меня бить, що у-у-у-у! – Юхим принялся раскачиваться, подвывая от жалости к себе. – И руками, и ногами, почитай, до смерти забили, ироды кляти!

– Повторяю! – возвысил голос отец. – Что вы делаете в моем имении и моем доме?

– Ишь, завзятый какой: уж попался, а все рассказы рассказывает! – Урядник стал вовсе похож на свеклу – такой же багровый и надутый. – Имение это почтенному Остапу Степановичу принадлежит, об том у нас каждому известно.

– Кто такой Остап Степанович? – неожиданно поинтересовался отец у мужиков с дубинками.

– Большой хозяин... – растерялся от вопроса мужик. – Усей волости нашей благодетель.

– И что же этот благодетель? Купил имение? – удивился отец.

– Никак нет-с... – вмешался второй мужик, помоложе. – Вроде как намереваются... С акциону-с...

– Остапа Степановича придется огорчить, – усмехнулся отец. – Имение на аукцион выставлено не будет, поскольку пожаловано мне.

– Это кто ж у нас казенные имения жалует? – насмешливо хмыкнул урядник.

– Государь император, – пожал плечом отец.

Урядник аж притопнул каблуками, невольно вытягиваясь во фронт... и тут же спохватился.

– Еще и государя к своим воровским делам приплел! А бумаги на имение у тебя в тех штанах остались, которые ты надеть позабыл, босяк?

Урядник победно покосился на подчиненных, предлагая оценить остроумие. Угодливо хихикнул лишь Юхим. Мужики с палками растерянно переминались, а несчастный владелец шашки лишь потел да постанывал, когда шашка тюкала его по темечку. Но опустить руку не решался.

– Митя, подай саквояж! – скомандовал отец.

Митя шумно выдохнул, только сейчас обнаружив, что не дышит. «Надеюсь, это отвратительное недоразумение сейчас и разрешится». Он аккуратно, бочком двинулся за саквояжем.

– Стрельте, Гнат Гнатыч, малого стрельте! – вдруг пронзительно заорал Юхим, и урядник, словно подхлестнутый, выдернул паробеллум из кобуры... и прицелился в Митю:

– Кидай пистолю, воруга, не то хлопца твоего пристрелю!

Митя замер, оцепенело глядя в черный зрачок дула. Зрачок глядел ему в лоб: холодно, точно, безжалостно, а толстый, красный, покрытый мелкими волосками палец дергался на курке при каждом вопле урядника.

«Но я же не могу умереть! – растерянно подумал Митя. – Вот так...»

Лицо отца закаменело... паробеллум ни на дюйм не отодвинулся от груди его пленника.

– Пан урядник! – вдруг заголосил мужик, что помоложе. – Поглядите вы те бумаги, може, и правда новые хозяева приехали?

– Тю, дурный! Голяком? – возмутился Юхим.

– Я в лакеях служил, панов во всяком виде видал, и голяком тоже!

– Справди, пане уряднику! – взмолился мужик с шашкой. – Бо мочи вже нету так-то стоять!

– Погляжу! – продолжая целиться в Митю, с глухой угрозой процедил урядник. – Кидай пистоль да ложись на пол, чтоб я и руки, и ноги твои видел, тогда и глядеть буду! – легким движением дула указывая, куда отцу ложиться, распорядился урядник.

Митя с надеждой воззрится на отца: сейчас тот сдастся и ляжет, урядник ответит злое- щий ствол, и желудок перестанет дергать ледяной судорогой, а юркие струйки пота – катиться по спине. Даже если обозлившийся урядник и стукнет отца разок... сам же потом лебезить и извиняться будет.

Снова короткая гримаса, едва заметно дернувшийся уголок рта... и отец только плотнее прижал паробеллум к груди своего пленника.

– Ах так... – зловеще процедил урядник, и его палец начал сгибаться... Курок сухо и отчетливо щелкнул в тишине...

– Брось паробеллум, убийца! – раздался повелительный окрик... и из коридора в залу снова ввалилась толпа. Еще одна. И впереди опять мужик с шашкой наголо!

– Брось, кому сказал! – Мужик с размаху опустил шашку на голову... уряднику. В послед- ний момент он, кажется, успел сообразить, что на вооруженном убийце мундир, как и на нем самом. Сделать только успел немного – всего лишь повернуть шашку в руке, так что удар пришелся плашмя.

Урядник рухнул как подрубленный, перегораживая своим телом дорогу вбегающим в залу уездным стражникам. Отлетевший паробеллум с силой стукнул Митю по босой ноге, тот взвыл и согнулся, хватаясь за ушибленную ногу, паробеллум оказался у него под носом – и пальцы словно сами сомкнулись на рукояти.

– Пане исправнику, да за что ж? То ж я... То есть то ж не я... Какой из меня убийца... – простонал лежащий на полу урядник.

Мужчина в мундире уездного исправника сперва растерянно посмотрел на прибитого им урядника, потом на отца, снова на урядника...

– Гнат Гнатыч? – наконец пробормотал он. – Ты тут откуда?

– Так ворюгу арестовывать приехал, – ворочаясь на полу и то и дело хватаясь за голову, простонал урядник. – А вы чего?

– За убийцей гоняюсь, сюда ушел...

– Казав я! – возрадовался отлипший от стенки сторож Юхим. – Убивец и есть – меня- то как есть убил!

– Заткнись, Юхим! – бросил явно знакомый со сторожем исправник и медленно повер- нулся к отцу. Глаза его потемнели, наполняясь угрозой. – Ты держишь под прицелом уездного стражника. Власть полицейскую под прицелом держишь, понимаешь это, бунтовщик?

Отец чуть отстранился, оглядел застиранную рубашку пленника...

– Шальвары-с форменные, – смущенно прошептал тот, безошибочно расшифровав этот исполненный сомнения взгляд. – Торопимшись, ваш-блаародь...

– Высокоблагородие... – процедил Митя.

– Высокоблагородие? Мужик в подштанниках? – насмешливо скривился исправник.

– Хиба высокоблагородия под портки ничего и не носят? – толкнул локтем бывшего лакея его сотоварищ. – А им того... не треть?

Вот почему у отца такой простецкий вид? Истинно светского человека и в подштанниках бы за мужика не приняли.

– Фарс затянулся. Скольким из вас я еще должен приставить паробеллум ко лбу, чтобы вы наконец выполнили свои обязанности и посмотрели мои бумаги? – устало спросил отец.

– За паробеллум на каторге ответишь! Давай сюда свои бумаги, ну! – рявкнул исправник.

– Митя... – негромко бросил отец.

Митя не пошевелился, лишь выразительно ткнул в сторону саквояжа отнятым у урядника паробеллумом.

– В приюте-то тебя почтительности научат, не сумлевайся, шенок! – процедил тот.

Митю ощутимо передернуло. Отец вперился в исправника гневно-начальственным взо- ром:

– Господин исправник! Ваши люди не только о процедуре проверки личности понятия не имеют, но и с законом «Об оскорблении Кровной Чести» не ознакомлены? Не знают, что щенок – это кровный потомок Великого Пса Симаргла, и применение сего звания к кому другому – уголовно наказуемое деяние? Может, у вас в уезде мужики и баб своих осмеливаются суками звать?

– Э-э... Поучи еще меня, ракалия! – рявкнул исправник, но на своего подчиненного бросил весьма недобрый взгляд, так что тот немедленно вытянулся во фронт и, повинувшись начальственному кивку, направился к саквоюжу. И лихо вывернул его на крышку рояля. На пыльный чехол вывалился отцовский дорожный несессер, платок, фляжка...

– Сколько наворовал, варнак! На каторге не занадобится, все казенное дадут! – Урядник хозяйственно отложил отцовский бумажник в сторону.

Отец брезгливо поморщился.

– Это, что ли, документики? – Урядник вытащил кожаную папку с вытесненным на углу гербом. – Поглядим, что ты за птица... – начал он и осекся, выпученными глазами уставившись в лежащий сверху лист гербовой бумаги. Зашевелил усами, как придавленный тапкой таракан, и вдруг принялся ощупывать печати, словно надеясь, что хоть одна окажется ненастоящей.

– Что там, Гнат Гнатыч? – нетерпеливо спросил исправник.

– Так... дарственная, ваш-блаародь. От... от самого государя-императора! За особые заслуги перед Отечеством и лично Его Императорским Величеством...

– Тю! Чи вы ему верите, пане? – вдруг выпалил Юхим. – Чи мало зараз оцих тайных печатен, де тоби шо хошь пропечатают? Оци... которые бонбы у царя-батюшку кидают! Наглисты, во!

– Нигилисты, – поправил исправник.

– От я и кажу – не-глисты, – согласился Юхим.

– Да заткнись ты, Юхим. – Лист с дарственной перекочевал в руки исправника. – Данный документ... если он подлинный... что мы, конечно же, проверим... в корне меняет дело. – Тут некая мысль пришла ему в голову, потому что он взбодрился. – Твое дело, Гнат Гнатыч. Но у меня-то вопрос посерьезнее будет! Позвольте поинтересоваться, что вы делали нынче ночью, сударь?

– Это и есть ваш серьезный вопрос? – Отец одарил исправника таким взглядом, что, не будь Митя на него зол, возгордился бы. Взгляд недвусмысленно намекал, что «дурак» для его собеседника – комплимент, да еще и незаслуженный. Исправник покраснел как рак.

– Знамо – що! Мне в морду насовали да спать легли, – пробурчал неукротимый Юхим.

– Заткнись, Юхим! – привычно буркнул урядник, но его начальника слова сторожа на мгновение заставили замешкаться и тут же снова ринуться в бой:

– А до того? Как вы попали в имение?

– Верхом. От станции Хацапетовка, где остался наш багаж, – устало вздохнул отец.

– Во-от! – обрадовался исправник. – А на границе имения обнаружены тела убитых. Господин средних лет и с ним юноша... вот такого примерно возраста, – злорадно кивнул он на Митю.

Митя коротко, хрипло выдохнул – не может быть! Его волнение было замечено исправником и обрадовало того еще больше – его глаза засверкали, как надраенные серебряные пуговицы мундира.

– Никаких бумаг при жертвах не найдено! – Исправник с явным намеком приподнял толстую папку. – А вот свежие следы, глубже и крупнее обычных конских, тянутся напрямик сюда! Это ж ваши кони педальные там стоят? – Он мотнул головой в сторону залы, где вчера оставили пароконей.

– Мои, – безнадежно согласился отец. – Похоже, все здешние... кони педальные – мои. – Он окинул собравшихся саркастическим взглядом и расстроено потер лоб ладонью. – Вот вам и отпуск, вот вам и имение...

– По долгу службы обязан провести дознание: и впрямь вы являетесь владельцем сего имения или же бумаги эти, – исправник ткнул в папку, – с мертвого тела настоящего хозяина забраны, чтоб имущество присвоить!

– Ото так! – чуть не подпрыгнул у него за спиной радостный Юхим.

– По долгу службы, исправник, никакого дознания вам проводить не положено. На основании статей с двести пятидесятой по двести пятьдесят третью уставов уголовного суда ваша задача – поставить в известность судебного следователя или иное облеченное полномочиями лицо и обеспечить охрану места убийства. Надеюсь, не забыли? Полномочное лицо, считайте, известили... и если выгоните наконец своих людей во двор и дадите мне переодеться, поедем уж на место убийства. Вы там ничего не трогали? И перестаньте разевать рот, как сом! – рявкнул отец, глядя как исправник все больше наливается дурной кровью. – Там в папке предписание от Министерства внутренних дел и мой паспорт.

Отец убрал пистолет от пленника и, не обращая больше внимания ни на набившуюся в залу толпу, ни на стражника, с облегченным вздохом уронившего шашку на пол, принялся рыться в своих вещах.

Исправник бросил на него очередной настороженный взгляд и наконец потянулся к папке. Зашуршали страницы... и не только выражение лица, но даже вся постановка фигуры его неумовимо изменилась: властно расправленные плечи согнулись, злая готовность сменилась растерянностью и даже страхом.

– Так это... выходит... Меркулов Аркадий Валерьянович. – Он глянул в паспорт, потом на отца. – Телосложение среднее... Волосом рус, бороду бреет... Из особых примет – шрам от резаной раны на левой ладони. – Исправник потрясенно уставился на отцовскую ладонь. – Ваше высокоблагородие... нынче всей губернской полиции начальник? – упавшим голосом закончил он и встал по стойке смирно.

– Высокоблагородие... – Урядник заполошно глядел то на Митю, то на отца, воображая, что новое начальство с ним сделает за взятого на прицел сына.

В зале воцарилась тишина, прерванная пронзительным воплем Юхима:

– Вы шо, ваш-блаародь, ему верите?

– Заткнись, Юхим! – рявкнули оба полицейских, и два кулака с размаху врезались сторожу в челюсть.

– Блуп! – только и сказал тот, отлетая к стене.

Бабах! – выпавшая из рук бывшего лакея дубинка стукнулась об пол.

– А давайте я вам сюрточок-то почищу, пане! – заголосил тот. – И сынку вашему! Вы не сумлевайтесь, я умею! При старых господах в младших лакеях... могу и рекомендации представить. А вы пошли, пошли вон! Не видите, их высокоблагородия не принимают. – Он деловито замахал руками на стражников, точно на забредших в палисадник кур.

– Остап Степанычу це не сподобается! – прижимая ладонь к разбитому носу, мрачно пробурчал сторож.

Под неловкие поклоны пятящихся к дверям стражников Митя направился к саквяжу и принялся разыскивать в нем чистую рубашку. Руки слегка подрагивали.

– Прости... – неловко пробормотал отец. – Нельзя было сдаваться.

Митя замер. Если отец скажет, что был уверен: сдайся он, и урядник выстрелит всенепременно, – Митя это примет. Не поверит, конечно: уряднику нужна была покорность, а не смерть... Но примет.

– Пойми... – выдавил отец. – Нужно, чтоб здешние порядочные обыватели меня уважали... а непорядочные – боялись. Но какой страх может быть, если по губернии разнесется, что нового полицейского начальника сельский урядник повязал?

– Не беспокойтесь, батюшка, – возвращаясь к тону, которого придерживался всю дорогу, с холодной вежливостью кивнул Митя. – Я ваш покорный сын, располагайте мною всецело ради вашей карьеры.

– Опять? – взревел отец. Оглянувшись, почувствовав устремленные на него со всех сторон любопытные взгляды, и понизил голос: – Пойми уже наконец, я не собираюсь жертвовать важным для всей империи делом ради твоих... никчемных светских мечтаний!

– А также ради моей жизни, – старательно изображая готовность, закивал Митя.

– Да не выстрелил бы он! – скривился отец. – Думаешь, после двадцати лет в полиции я не различу, когда и впрямь готовы стрелять, а когда только грозятся? Хватит труса праздновать! Собирайся – едешь со мной.

– Вам угодно меня еще и опозорить – прокатить через всю губернию в драных штанах? – процедил Митя.

– Вот они, брючки-то, зашитые! И сюртучок почищен, паныч, и батюшки вашего! – Бывший лакей подскочил к Мите с его вещами. – В лучшем виде! Дозвольте-с помочь?

– Не надо! – Митя принялся натягивать брюки.

Каким же дураком он был! Парокони, ночная скачка, штурм имения, утренние дурачества у колодца... Он позволил отцу думать, что между ними может быть что-то, кроме холодного отчуждения, и тот немедленно подвел его под выстрел!

– Поторопись! – скомандовал отец, направляясь к двери.

Митя ненавидяще посмотрел ему вслед: пади он от руки пропахшего салом солдафона, отец бы и над бесприютной сыновьей могилой своих полицейских муштровал! В носу отчаянно защекотало, а стиснутый в руках сюртук стал расплываться от наворачнувшихся на глаза слез. Еще доставало перед полицейскими расплакаться – не объяснишь же им, что это от глубокого разочарования. Здешние таких тонких материй не поймут. С сюртуком в руках Митя уже привычно сунулся в окно на задний двор.

– Куды, паныч? Батюшка ждет! – завопил вслед бывший лакей.

– Не ваше дело! – рявкнул Митя, перескакивая подоконник. – Сначала здешние меня пристрелить собирались, теперь еще и командовать начнут? – зло вытирая непрошенные слезы краем шейного платка, проворчал он.

– Я бы не позволила тебя убить, – донесся сверху скрипучий, будто старушечий, голос, и в жаркое летнее утро на Митю дохнуло острым и влажным, до ломоты костей, пахнувшим землей холодом. – Тебе еще рано умирать. Пока рано.

Митя медленно поднял глаза. Восседающая на крыше дома рыжая мара очерилась в клыкастой усмешке, так что провалились и без того обтянутые бледной кожей щеки. Плеснула угольными крылами – и прыгнула в яркую голубизну словно истаяв черным пятном в ослепительном свете подбирающегося к зениту солнца.

Глава 11

Преступление на месте преступления

Живые кони дичились автоматов. Только меланхоличный каурый урядника покорно рысил на полкорпуса позади отцовского пароконя.

– Прощенья просим, ваш-высокблаародие... – хмуро бормотал сам урядник. – Все Юхимка, бес, попутал: «Понаехали, ледве утек...» – передразнил он и погрозил кулаком ташившемуся в хвосте стражницкой кавалькады сторожу. – И сынка вашего я б ни за что не стрелил. Так, попугал только.

Отец многозначительно обернулся к Мите, но тот стал еще мрачнее: а что отец ожидал услышать? «Всю жизнь мечтал начальство перестрелять, желательно с семейством»?

– Тут еще я с убийством налетел... – с другой стороны бубнил исправник. – Уж простите великодушно, ваше высокоблагородие, уверен был, что по следам убийцы скачу! У здешних-то пароконей нету, а кто мог убить, как не пришлые?

– Любопытные методы в уездной полиции: чуть что не так, пробежался по отелям да и набрал подозреваемых, – усмехнулся отец.

– Нема у нас готелей, токмо в уездном городе! – отрапортовал урядник.

– И методов тоже нет, ваше высокоблагородие. Мы, как вы сами изволили заметить, полиция уездная, все больше сбором недоимок занимаемся.

– А ще беззакониями всякими! – радостно сообщил урядник.

Отец уставился на него настороженно, а исправник так и с явной опаской.

– Колы без законов всяких, без цих... статей пропишешь кому трэба в морду за ругань матерную або к властям неуважение – и все дела! – пояснил урядник.

– Места наши тихие, – словно извиняясь за недостачу, развел руками исправник.

– Ни одного человека, – пробурчал Митя.

Трое всадников уставились на Митю, будто слышать от него живую человеческую речь было так же удивительно, как от его пароконя.

– А и верно! – с нарочитым оживлением согласился отец. – Сколько едем – никого, как вымерли все!

– Та Господь з вами, ваше высокоблаародь! То ж омороченное имение, шо тут людишкам делать?

– Омороченное? – напрягся отец.

«Какой же на этих руинах морок? – Митя тоже призадумался. – Обычно руины роскошными кажутся, упыри так доверчивых путников заманивают. А тут – наоборот? Чтоб отпугивать? Зачем отпугивать?»

– Выморочное, Гнат Гнатыч, – поправил исправник, лучше понимающий своего подчиненного. – Кому тут быть? Как последний хозяин помер, так и стоит в запустении. А имение отличное, ваше высокоблагородие, без малого три тысячи десятин.

– Зовите Аркадием Валерьяновичем, мы ж не в армии, – отмахнулся отец. – Неужели землю даже в аренду не сдавали? Был же здесь какой-то управляющий от казны?

– Благодарю, ваше... Аркадий Валерьянович. А я, значит, Зиновий Федорович, честь имею... – поклонился исправник. – Вам бы насчет аренды в Екатеринославе, в губернской управе поспрашивать или в земской.

Занятно. Митя повернулся в седле, оглядывая россыпь пеньков, некогда бывших не иначе как рощей. Может, поля в аренду за деньги никто и не брал, а вот лес бесплатно в отсутствие хозяев свели подчистую. Странно, что вон та роща уцелела.

– Там их и нашли. – Урядник указал хлыстом на эту самую уцелевшую рощу.

Отец пустил пароконя вниз с холма, Митя последовал за ним – дела отцовские ему неинтересны, но не со стражниками же дожидаться! Он выбрался из седла, когда отец уже отбрасывал темное полотно, сквозь которое угадывались очертания двух тел.

«Спокойнее... – Митя сглотнул клубок тошноты. – Тебе уже приходилось видеть покойников».

А также беспокойников, вместо пристойного лежания в гробах бойко гоняющихся за живыми. Но... Лица этих двоих были чудовищны! Жутко раздутые, с обвисшими складками кожи, выпирающими над синюшными полосами на шеях. Но даже страшно исковерканные черты не могли скрыть выражение застывшего на лицах ужаса. И того... что оба эти лица Мите знакомы.

– Да, они, – кивнул отец, набрасывая покров обратно на несчастных.

– Вы что же, их знаете? – В голосе исправника снова звучало подозрение.

– Попутчики наши, в поезде. Инженер-путеец с сыном. Где их вещи?

– Так нету ничего, Аркадий Валерьянович! Я ж потому, прощенья просим, вас и заподозрил: бумаг никаких, а ежели по описанию, так вы с сынком дуже на этих двоих схожие. Если б не паспорт...

– Бумаг никаких, – повторил отец.

Митя и впрямь не интересовался отцовской службой, но... что ж поделывать, если ты умен и враз догадываешься, о чем сейчас подумал отец. О докладе, том самом, что путеец вез в канцелярию губернатора. Про приписки, недостачи и даже археологию. Кто-то весьма не хотел, чтоб доклад добрался до места назначения. И навряд ли из-за археологии.

– Надо послать телеграмму в Управление дороги... выяснить... – задумчиво пробормотал отец. – На чем они приехали?

– Кто ж знает? – удивился исправник.

– Митя... – отец повернулся. – Ты говорил, в окно видел.

– Одноколка. С кучером. Чемодан и саквояж, – нехотя процедил Митя. После всего случившегося у него не было и малого желания разговаривать с отцом!

– Я отнюдь не следопыт, Зиновий Федорович... – Ничуть не усовестившийся отец вернулся к исправнику. – Но ежели вы смогли найти нас по следам пароконей, то и следы от коляски жертв тоже должны быть.

– Не могу знать! – Исправник растерянно принялся осматривать землю.

– Ваше высок-блаародь, дывыться, у меньшого-то – голова пробита! – отгибая край наброшенного на мертвецов покрыва, заорал урядник. – Хтось мальчишку по башке – тюк! – а потим и вдавав! – Урядник для выразительности стиснул короткие, поросшие рыжим волосом пальцы.

Отец метнул быстрый взгляд на сына и поморщился.

– На голове – повязка. Не думаете же вы, урядник, что убийца сперва ударил, потом перевязал, а после уж душисть принялся?

– И справди... Якось воно... не тогось! Алеж хтось ему по голове вдарил? – озадачился урядник.

– Я, пожалуй, проедусь, – ни на кого не глядя, Митя полез в седло.

– Оно, конечно, зрелище не для юношества. Только одному ездить, да после такого... – Исправник выразительно покосился на тела и обернулся к уряднику: – Гнат Гнатыч, может, сопроводите...

– Нет! – выпалил Митя. – Я сам. Я далеко не поеду. Так, в окрестностях!

– Эх, панычу... – Урядник развел руками, намекая, что он бы с радостью и помог, и сопроводил, но кто ж виноват, что паныч такой злопамятный – пистолет в физию никак простить не может.

Митя только фыркнул и нажал на рычаг, отгоняя своего пароконя.

За его спиной отец требовательно спросил:

– Откуда вы узнали о преступлении?

– Так девчонка прибегла, говорит: возле рощи убитые!

– Где эта девчонка? Что вы молчите, Зиновий Федорович? Вы что, ее даже не задержали?

– Так ведь торопились, ваше высокоблагородие! Сразу на коней и сюда, а девчонка... я уж и не помню, что за девчонка была... Может, с Николаевки, а может, и с Васильковки...

А вы думали, батюшка, тут как в столице – вышколенные городовые да антропометрическая картотека преступников? Вы еще пожалеете о Петербурге, как жалеет ваш несчастный сын. После ночи на рояле травля в светских салонах уже не казалась страшной. А еще убийца поблизости затаился. Отец не имеет права ни рисковать Митиной жизнью, ни держать его в развалинах... без ванной.

Топчущиеся вокруг убитых стражники и закипающий на манер парового котла отец остались позади, а впереди не было ничего, кроме плоской, как стол, равнины. Где же знаменитая гоголевская степь с миллионом цветов, строки о которой так прочувствованно декламировал его домашний учитель? Прокаленная солнцем земля, изрезанная канавами и овражками, будто физиономия старой селянки – морщинами. Он, конечно, ничего не понимает в делах сельских – еще недоставало! Но вполне в отцовском духе: получить за труды землю, с которой никакого толку. Митя приподнялся в седле, пытаясь увидеть хоть что-то, кроме торчащего на горизонте чахлого куста... и так и замер, вцепившись в стальную шею пароконя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.